Капля духов в открытую рану

Катя Качур

Игры судьбы. Романы К. Качур

Катя Качур

Капля духов в открытую рану

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Качур К.

Капля духов в открытую рану / К. Качур — «Эксмо», 2020 — (Игры судьбы. Романы К. Качур)

ISBN 978-5-04-158869-4

Она знает все потайные ходы и тоннели подпольного парфюмерного мира Москвы. В силу редкого обоняния запахами окрашена вся ее жизнь — любовь, восторг, разочарование. За плечами блестящее журналистское прошлое, поклонники, завистливые взгляды. Впереди — пропасть. Признание сменилось забвением, восхищение — насмешкой. Она сливается с толпой в многоликом городе и не подозревает, что остается непокоренной звездой для человека, который смотрит на нее с огромных билбордов столицы. Он — на вершине славы, она — у подножия. Чем закончится эта болезненная страсть?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158869-4

© Качур К., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 19
Глава 5 21
Глава 6 24
Глава 7 28
Глава 8 30
Глава 9 32
Глава 10 33
Глава 11 38
Глава 12 41
Глава 13 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Катя Качур
Капля духов в открытую рану

Все события и герои романа вымышлены, совпадения случайны.

© Качур Е., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Ася долго торговалась и наконец встретилась с продавцом в метро. Огромный детина со взглядом ребенка и румянцем на белых щеках передал ей нечто похожее на сейф для некрупного огнестрела. Ася стянула картонную коробку с черной лаковой шкатулки, распахнула ее, словно шкаф с двумя створками, и издала сдавленный звук, который никто не услышал за грохотом прибывающего поезда. В шкафчике, как в гробу, внутри дорогого драпированного шелка покоился флакон с темно-коньячной жидкостью и квадратной крышкой в крупных черных кристаллах.

– По-моему, воняет ужасно, – заговорил парень, но она его не слышала.

Вцепившись мертвой хваткой в шкатулку, не реагируя на неловкого продавца, помогающего придержать коробку, она осторожно начала выковыривать из гроба стеклянного затворника. Флакон поблескивал от тусклого света подземки. На золотой табличке было выгравировано De la nuit 2 Roja[1]. Доверив шкатулку розовощекому, Ася сняла хрустальную крышку и сделала пшик на запястье. Та-да-а-ам! На клавиши опустились огромные руки Рахманинова, вдох, и сольминорная прелюдия заглушила рев несущихся навстречу друг другу поездов, человеческий гомон и демонический вой сквозняков Московского метрополитена. Ася оторвалась от перрона и полетела в потоке мощного многоголосья древесно-амбровых аккордов, подсвеченная цветочно-пряным нимбом и буквально разрываемая на миллиарды маленьких Ась животно-спермовым мускусом, стираксом и кастореумом[2].

– Фу-у-у. Как такое можно нюхать? А я вот собираю кроссовки Адидас. У меня их сто девять пар. Даже с Олимпиады-80 есть.

– Что? – Ася спустилась на землю. Рухнула с соль-минорного облака на мраморный перрон. Полезла в сумку, достала четыре заготовленные пятитысячные купюры.

– Ваще не понимаю, как можно заплатить за это говно сто косарей в магазине. Маме подарили, она учительница. Готовила одного дебила к экзаменам. А это его родители всучили, лучше бы бабки в конверт положили, ей-богу. А вам че, нравится?

– Это – шедевр, – забормотала Ася, на лице ее всплыла блаженная улыбка. – Здесь больше ста пятидесяти компонентов, здесь мускус натуральный. И струя бобра тоже натуральная. А их запрещено уже всем парфюмерным домам использовать, кроме него. – Ася замолчала, будто боялась произнести имя парфюмера всуе.

– И вы этим будете поливаться? – спросил детина.

– Нет, что вы, это совсем не носибельно. Это для коллекции. А вы кроссовки только своего размера покупаете?

– Не, не только. Где ж я сорок второй возьму, например, тридцатых годов? Тоже для коллекции собираю. Но они хоть не так воняют, как этот… шедевр. – Он засмеялся своей шутке.

Ася представила ряды ношеных кроссовок и подумала, что запах пота мужских ног можно было бы передать, например, сочетанием землистых пачули, шафрана, мускуса и жасмина. Да, такого индольного жасмина в духе винтажного «Джоя» Жана Пату[3]. Кстати, еще пару лет назад, когда Ася только начала вливаться в жиденькие ряды парфманьяков (точнее, в среду этих безумных интровертов, которые сидят на форумах под аватаркой какой-нибудь бабочки или чау-чау и выдают свои «фу» той или иной новинке, благоговея при этом от «того еще Герлена, ты же помнишь»), слово «индольный» казалось ей прилагательным чего-то чистого

---

[1] *De la nuit 2 Roja* – название элитных духов одного из самых дорогих парфюмеров современности Roja Dove.

[2] *Стиракс* и *castореум* – компоненты духов, выделенные из физиологических жидкостей животных.

[3] *«Джой» Жан Пату* – духи Joy Jean Patou, созданные в 1930 году.

и звенящего, как новогодний колокольчик, «дол-ин-дол-ин-дол». Но позже выяснилось, что эти циники так романтично обозвали привкус эдакого дерьмеца в аромате. «Ах, мне здесь слегка индолит» – означает запах кучки испражнений под благоухающими кустами и деревьями. Вкрапления нечистот, спермы, пота, крови, засаленной кожи в райских кущах всегда особенно будоражили носы этих странных людей. «Фу, компот, нет изюминки», – говорили они на аромат, не содержащий в себе ничего порочного.

Ася стала остро чувствовать запахи, когда потеряла вкус к жизни. Впрочем, и в детстве в ее восприятии сначала возникало ощущение влажной кожи, чернозема, белой краски, а потом ей в лицо летел новенький футбольный мяч с комом земли из-под носка лысого, как гуманоид, Владика – соседа по даче. Или, приезжая на каникулы в Москву, она любила, стоя на незнакомом перекрестке, закрывать глаза и по запаху угадывать, в какой стороне ближайший вход в метро: из пасти переходов столичной подземки шел особый воздух – смесь железной дороги, мраморных стен, пыльных люстр, колоннад и огромного разношерстного людского толковища. Но раньше Ася не придавала этому большого значения. Мир вокруг был полон картинок, прикосновений, желаний, помыслов, событий. Мир вокруг был центробежен и устремлялся к Асе, хотела она того или нет. А потом, вдруг или постепенно, Ася как-то проворонила этот момент, круглый мир сменил траекторию вращения, оттесняя Асю к краю, а затем и вовсе переставая соприкасаться с этой девочкой, девушкой, тетенькой в очках и оттопыренными ушами.

Глава 2

Славочка гневно ткнул головкой смычка в спину пианистки, а потом шмякнул по нотам перед ее носом.

– Фальшивишь! – почти взвизгнул он, передернувшись.

Она не обернулась, только стиснула зубы. Славочка не терпел фальши, он чувствовал неверную ноту всем телом, его прошибало током от горла до пятки, и было втройне обидно от того, что для него, пятиклассника, новогодний школьный концерт – нечто особенное, а эта четвероклашка будто отбывает наказание. Он брезгливо посмотрел на ее руки. Крупные кисти, которые так хвалили в коридорах учителя («Какие руки! Полторы октавы! Рахманинов в юбке!»). Тыльная сторона ладони была покрыта красными и расцарапанными цыпками, как спина старой жабы, обляпанная бородавочной коростой. Какая мерзость, человек с такими руками не должен быть музыкантом! Его собственные белые кисти с длинными пальцами и утонченными ногтями не имели ничего общего с этим убожеством. Славочка вздохнул, приставил скрипку к бархатной подушечке под подбородком, взмахнул смычком и раздраженно рявкнул:

– С третьей цифры!

Дарья Сергеевна, пристукивая сапожком о сапожок от холода, всматривалась в морозное окно, откуда доносилась скрипка ее сына. Она всякий раз замирала, видя, как изящно он вскидывает смычок, и представляла его слегка покрасневшие пальцы, скользящие по грифу, и натянутый конский волос, мечущийся по струне. Представляла, потому что видеть этого уже не могла: окно класса хоть и было на первом этаже, но все же довольно высоко от земли. Она всегда тайком от сына приходила послушать его уроки, благо жила неподалеку и обычно в обед возвращалась из магазинов. Поставив авоську с батоном и двумя бутылками кефира на снег, Дарья Сергеевна мечтательно закрывала глаза и думала: как же хорошо, что сшила Славочке эту подушку на шею: выкроила из затертой бархатной юбки ладные куски, оторочила черным атласом, обрезки которого незаметно ухватила в соседнем ателье, и посадила на тонкую черную резинку из мужниных трусов, закрепив на шее позолоченной застежкой от старой театральной сумочки. Эта подушечка выгодно отличала сына от скрипачей-одноклассников, у которых упором для инструмента служила пористая мочалка-губка, что продавалась в хозтоварах. Когда они собирались вместе на концертах, сразу было видно, у кого большое будущее: Славочка казался на голову выше остальных, стоял с прямой спиной и вскинутым подбородком, со стрелками на брюках, в отутюженной накрахмаленной блузке. В кого сын имел такую стать, Дарья Сергеевна не могла даже и предположить. Ее родители и четверо братьев были коренастыми деревенскими крепышами, плечистыми и коротконогими. Муж в молодости, возможно, и казался высоким и ладным, но последние десять лет пьянства вытравили из него всю красоту, а из нее – даже память о том, каким интересным он был женихом. Одно раздражало Дарью Сергеевну: Славочке снова в качестве аккомпаниатора дали эту дурацкую Аську. Ведь ходила она к учительнице, просила по-хорошему и по-плохому: Любу, дайте ему Любу, светловолосую и тонкую нимфу, они же так ангельски смотрятся вместе. «Не держит ритм ваша Люба», – огрызнулась тогда скрипачка Алла Ивановна и просочилась через Дарью Сергеевну, перегородившую высокой грудью коридор, как сквозь шифоновую занавеску.

Ася держала ритм, как атланты небо. Поэтому во всех ученических ансамблях ее сажали «на басы» за фортепиано (если это был коллектив из четырех пианистов) или же аккомпаниатором под скрипачей, ведущих главную партию. Асе доставалось унизительное «ун-ца – ун-ца». К уроку под названием «аккомпанемент» она не готовилась в принципе, читала с листа и изнывала. Славочка бесил ее больше остальных. Он был, безусловно, поцелован. Такая точеная шахматная фигурка, которую с любовью достали из человеческой глины. Из этого же месива,

впрочем, была извлечена и Ася, может, не столь трепетно и изящно. Но в ней сразу забилось сердце, а от него даже не исходило никакого запаха. Славочка был похож на крупную бабочку, которую природа забыла разрисовать красками. Идеально вырезанные крылья без цвета и той живой пудры, сдунь которую, и бабочка не смогла бы летать. Пожалуй, его пудрой была музыка, он играл очень нервно, судорожно. Ася всегда раздражалась, слыша его этюды или отрывки пьес, но потом, сама того не желая, долго прокручивала скрипичную тему в голове. Именно в его, Славочкином, исполнении. Когда музыка заканчивалась, он вновь становился бесцветным, несмотря на начищенные ботинки и эту вызывающе роскошную подушечку под подбородком. Его мама – крупная женщина с тонкой талией и высокой острой грудью всегда была в поле зрения. Она приходила на все зачеты и экзамены, все время спорила о чем-то с учителями в узком коридоре музыкальной школы, ходила с сыном за руку по одним и тем же улицам, попадалась в очередях в одних и тех же магазинах. Она пахла зажаркой, «Красной Москвой» и нафталиновым пальто. Возможно, эта Дарья Сергеевна была и красива: крупные губы, хорошо отцентрированный нос, вскинутые артистические брови. Но темные глазки перебирали этот мир, как деревянные счеты, ловко взвешивая для себя все нужное и презирая все неподходящее. Однажды зимой, когда Ася возвращалась из школы после шестого урока и по привычке остановилась у соседнего дома покормить подвальных кошек, они пересеклись со Славочкой и Дарьей Сергеевной. Ася вываливала из целлофанового пакета куски маминых беляшей, стянутых из холодильника, сосиски из школьной столовой, замоченный в супе хлеб и варенное в нем же мясо с жиром (фу-фу!). Пять кошек метались у нее под ногами, предвкушая трапезу. Они знали, когда у Аси заканчиваются уроки, и со всего подвала неслись ближе к вентиляционной дырке, чтобы успеть урвать кусочек. Сидя на корточках и гладя ободранные головы, бодающие ладонь, Ася почувствовала пристальный взгляд. Неловко обернулась, висевший наперекосяк ранец соскользнул с плеча. Пробормотала «здрасьте». Дарья Сергеевна не ответила. Ее глаза были острыми, застывшими, заледеневшими. В буквальном смысле отмороженный Славочка (на улице было минус двадцать) стоял безжизненной молью, посверкивая алыми ушами из-под рыжей пыжиковой шапки. Ася затолкала пустой пакет в ранец, растерла ладони снегом, натянула жесткие варежки и, морщась от боли – цыпки дико саднили, – поспешила домой.

– Мам, пойдем, холодно, – сказал Славочка.

Дарья Сергеевна не двигалась с места. Перед глазами стояла послевоенная помойка возле городского мясокомбината. Они с подругой Надькой среди дюжины оборванцев выжидали за сугробами, когда тетя Таня по прозвищу «Жиртрест» в два часа дня придет и сбросит с плеча два холщовых мешка. Кряхтя и беззлобно матерясь, она развязывала веревку и вываливала на помойку отходы своего цеха – все, что осталось от свиных и говяжьих кишок, прошедших несколько варок. Как только Таня-Жиртрест скрывалась за поворотом, ватага грязных детей кидалась на зловонную кучу, напихивая в рот, мешки, карманы неприглядные трубчатые куски. А дальше шли домой и смеялись с набитым ртом: кишку можно было сосать как угодно долго, она сохраняла мясной вкус, пока не превращалась в жеваную бумагу, которую смачно сплевывали на снег.

– Мам, пойдем, Катюшу из садика нужно забрать! – Дарья Сергеевна очнулась, и они отправились в детский сад.

Ася иногда встречала их втроем. Рядом со Славочкой и его мамой шла блондинистая кудрявая девочка, копия своего брата, только раскрашенная всеми цветами радуги: в яркой вязаной шапочке, с голубыми глазами, алым ртом и сияющими щеками. Она держала Славочку за руку и смотрела на него снизу вверх с безусловной любовью. В этот момент часть радуги проецировалась на Славочку, он вытягивал губы и чмокал воздух, посылая ей поцелуй. Похоже, они любили друг друга. Между ними был невидимый связующий канат. Такая же мощная пуповина тянулась от Дарьи Сергеевны к Славочке. А вот между мамой и дочкой ниточка была совсем прозрачной.

Позже, уже в старших классах, когда Ася слышала сольные концерты Славочки (он единственный из всех городских дарований играл с местным симфоническим оркестром), ей казалось, он черпает вдохновение только от ярких щечек и незабудковых глаз своей сестры. Потому как все остальное в этом мире не вызывало у него никаких эмоций. Он снисходительно принимал аплодисменты немалого зала городской филармонии и вспыхивал короткой и яркой нежностью только в тот момент, когда Катюша поднималась на сцену и дарила ему букетик простеньких цветов.

В день окончания Асей музыкальной школы на экзамен в качестве гостей были приглашены преподаватели местного музучилища и Славочка, почетный выпускник школы и почетный же студент самого училища, которого ввиду гениальности взяли сразу на второй курс. Ася играла Баха, Шопена, Рахманинова. Она выросла и к маю была уже потемневшей от загара. Выгоревшие завитки светлых коротких волос (странно, раньше у нее были косы) смешно прикрывали оттопыренные уши и трогательно ее украшали. Она подошла к роялю, несуетливо убрала с сиденья лишнюю подставку, села, долго отодвигала и придвигала стул, как кошка, уминающая себе место перед сном, поставила загорелую ногу на педаль и опустила руки на клавиши. Славочка заволновался. Персиковые нежные руки, изумительная кожа (где же цыпки?), мощные рахманиновские аккорды, шепот педагогов: «Какая редкая музыкальность, какие эмоции!» Он попытался сглотнуть комок в горле, но не смог, так и просидел до конца ее программы, разрываемый досадой и завистью, восхищением и ненавистью одновременно. Ася закончила. Встала, легко поклонилась и вышла из зала с непостижимой ему отстраненностью, будто экзамен был для нее не ключевым этапом, а рядовым событием. За этим спокойствием не замечалось труда, она, свободная птаха, просто перепорхнула с ветки на ветку. Пока подводили итоги, выпускники толпились в узком коридоре. Славочка вышел вместе со всеми, достал пачку «Мальборо» и вытянул губами сигарету.

– Привет, Славец! Красивое курево! Как там пашется, в музшараге? – В школе еще остались старые приятели.

– Помаленьку, – сквозь сигарету процедил Славочка и отправился на улицу.

Ася стояла с девочками, что-то обсуждала, смеялась, потом резко повернулась и скрылась за углом дома. Славочка пошел за ней, схватил за руку.

– Ты куда?

– В «Природу», там новых рыбок завезли. – Она двинулась по направлению к магазину «Природа», расположенному в том же доме, что и музыкальная школа. Славочка прибавил шаг.

– Результаты пропустишь, – не вынимая сигареты изо рта, сказал он.

– Девчонки позовут. – Она потянула на себя тяжелую дверь со стеклянными вставками. Славочка, поспешно докурив, зашел за ней внутрь.

В квадратных аквариумах вдоль стены плавала всякая живность. Толстая продавщица с химической завивкой на голове кивнула Асе как знакомой.

– Привезли? – спросила Ася.

– Золотых пару, – ответила она.

– Где?

– Вон там, в крайнем.

Ася зашла в пространство между прилавком и аквариумами. Было видно, что она завсегдатай. Славочка шагнул за ней.

– Куда, молодой человек?! – Продавщица перегородила проход.

– Он со мной, теть Валь.

– Следи за ним, отбегу пописать. – Тетя Валя теребила грязноватый фартук.

Они оказались в узком коридорчике между аквариумными стеллажами. Ася прижалась носом к стеклу. К ней подплыла желтая толстая рыбка и хапнула ртом воздух. Славочка пытался уместиться за ее спиной, неуклюже уперся копчиком в прилавок, поравнялся глазами

с Асиным затылком. Она положила ладонь на стекло и постучала пальцем. Желтая толстуха метнулась к ее руке.

– У тебя были цыпки. – Его дыхание обожгло Асе шею.

– Врачи сказали, слишком нежная кожа. Чуть холод, сразу трескается.

Ревели компрессоры, на поверхности воды, как газировка, лопались пузырьки воздуха, пахло водорослями, ряской, сухим рыбьим кормом. Комок в Славочкином горле застрял намертво, сердце переместилось в область кадыка, глухо и отчаянно билось о стенки сосудов и рвалось наружу. Он дотронулся губами до ее шеи. Золотистое выгоревшее подпушье защекотало нос. Она пахла яблоком и влажными листьями. Это был не плотный запах его матери, не дурашливый запах сестры, не умилительный запах их болонки, в живот которой он любил утыкаться лицом. Это был незнакомый запах, от которого у него свело желудок. Ася повернулась, он резко вспотел. Она уперлась глазами в пульсирующую вену на его влажной шее. Казалось, через нее в один момент пыталась протолкнуться вся кровь в его организме. Ася коснулась венки языком, провела кончиком по соленой траектории.

– Ты вкусный, – шепотом сказала она.

Резко хлопнула дверь, ей в такт задрожали стенки аквариумов.

– Аська, оценки!

– Ну вот и я!

– Славочка, что ты здесь де…

Врата ада разверзлись одномоментно. Вернулась продавщица, в дверь магазина втолкнулись две Асины подруги, за ними белело лицо Дарьи Сергеевны…

На подведении итогов Асю отметили последней. Встала преподаватель училища, поправила очки, торжественно, как в ЗАГСе, объявила: «Анастасия Кречетова. Общая оценка пять с плюсом. Мы предлагаем вам поступить в наше училище… без экзаменов». Все бешено зааплодировали. «Ишь ты!» —прошипела Дарья Сергеевна, которая продолжала, как родная, посещать все школьные мероприятия, встречи и проводы даже после ухода ее сына. Славочка на секунду почувствовал прилив небывалой гордости.

– Спасибо. – Ася улыбнулась. – Но у меня другой путь.

– В смысле? – оторопела учительница.

Славочка задохнулся.

– Я закончу десятилетку и пойду к своей мечте, – высокопарно ответила Ася, хотя никакой мечты у нее не было.

– Без музыки? – спросила учительница.

– С музыкой. Но в душе.

В узком коридоре кишели выпускники. Пахло пионами. Все смеялись, тискали друг друга, обнимали учителей, возбужденно спорили, восхищались, плакали. В воздухе витала бессознательная исключительность. Исключительность молодости, безусловность таланта, неизбежность огромной счастливой жизни. Радостная вспотевшая толпа вывалилась на улицу. Асю потоком унесло в сторону парка, Славочку Дарья Сергеевна потащила домой. Ася обернулась – его лицо было белым, отрешенным, с крупными каплями пота, нереально красивым. Ей показалось, что продолжение неизбежно, что сейчас он отцепится от своей матери и побежит вместе со всеми. Но скрипач удалялся. Ее подхватила толпа и затолкала в отъезжающий от остановки автобус.

Глава 3

У Славочки четвертые сутки держалась температура 39,5. Он метался, кричал, плакал, не приходя в сознание. В бреду он видел Аськины руки. Видел, как на нежную кожу кто-то мертвецки зеленый дует ледяным воздухом, и они трескаются, покрываются красными бугорками, кровят. Мозг буравила мысль, что уродливыми, смешными и уязвимыми в этом мире становятся самые нежные и беззащитные создания. Что его сильная здоровая кожа плевать хотела на холода и морозы. Что под коростой рук, которые он презирал, которые ему аккомпанировали много снежных зим, скрывался нежный росток всего самого желанного в этой жизни. Он рыдал, брал эти ладони, целовал их, прижимал к лицу. Они гладили его, перекидывались на клавиши, на плешивых кошек, снова скользили по его телу. Он прижимался губами к ее шее, не мог надышаться яблочным золотистым подпушьем… Через пять дней Славочка открыл глаза. На лбу у него лежала мамина рука.

– Ну слава богу! – Дарья Сергеевна, шатаясь от смертельной усталости после бессонных ночей, поставила на табурет перед постелью куриный бульон с фрикадельками.

– Мамочка… – Он откинул одеяло, сел на кровати, потянулся к бульону. На простыне темнели желто-бурые пятна.

К вечеру Славочка взял инструмент. Попробовал разыграться, но руки не слушались, пальцы превратились в негнущиеся палки. Дарья Сергеевна заметила припухлость на суставах. На следующий день сын не мог держать ложку, корчился от боли, смотрел испуганными глазами: «Мам, я не смогу больше играть?»

– Родненький мой, деточка моя, ты будешь играть, ты лучше всех будешь играть. – Она прижимала к губам каждый его палец.

Врачи сказали, что от неизвестной бактериальной инфекции началось воспаление суставов. Назначили антибиотики, противовирусные, положили в стационар, поставили капельницы. Славочке было шестнадцать лет. Врачи долго перекидывали с места на место его карту, не в силах определиться, взрослый он или еще ребенок, в результате отправили в основное инфекционное отделение городской больницы. Дарья Сергеевна договорилась с главным врачом, ждала его до полуночи около подъезда дома, и тот разрешил ей спать в коридоре, недалеко от Славочкиной палаты. За это Дарья Сергеевна мыла полы в отделении и туалетах, убирала утки из-под тяжелых больных. В обеденный перерыв с двумя пересадками на трамвае и автобусе добиралась до дома, варила живительный бульончик с фрикадельками, кормила Катюшу, кричала на подвыпившего мужа, уныло стынущего на диване, заливала термос и неслась обратно в больницу. Славочку выписали через три недели. Облегчения не было.

Спустя пару месяцев Дарья Сергеевна возвращалась домой после очередной консультации с городским медицинским светилом. Он расписал новый курс лечения и, заглянув ей в глаза, проникновенно сказал: «Вы должны понимать, мамаша, максимум – он будет держать чашку, ни о какой игре на скрипке не может быть речи. Суставы деформированы, обратный процесс невозможен. По крайней мере, такого я еще в своей практике не видел. А уж поверьте, я много чего повидал». На остановке автобуса две женщины в деревенских пуховых платочках вели беседу, сильно окая.

– И вот батя-то встал, как Илья Муромец с печи, и пошел. И пальцы-то его кривы полегоньку стали уменьшаться, и даже валенки прежние налезли.

Дарья Сергеевна встала, зачем-то нелепо размашисто перекрестилась не в ту сторону (с детства была атеисткой), нависла над бабами.

– Ради Христа, помогите, сын погибает. – Слезы полились по ее черным от горя щекам.

Женщина рассказала, что возила отца в Ставропольский край: приезжаешь, налево-направо, направо-налево, потом по прямой от автовокзала, станицу не помню, красным напи-

сано, буква «А» упала и в траве валяется. Там Анна живет. Целительница, ясновидящая. К ней все едут.

Дарья Сергеевна в два дня собрала Славочку, Катюшу (с нетрезвым отцом оставлять было страшно), к полуночи съездила на вокзал, заняла очередь за билетами, купила на одну верхнюю и две боковые полки плацкарта три места до Ставрополя и отправилась в путь. Катюша радовалась, здоровалась со всеми в вагоне, с аппетитом ела, пила сладкий чай в подстаканниках. Славочка безжизненно свисал с верхней полки. Через два дня доехали. Местные жители несколько раз направляли Дарью Сергеевну с детьми по ложному пути, но на городском базарчике дородная продавщица творогом вспомнила: «Станица Полтавская, кажись, там Анка с мужем и живет сейчас. Мы с ней в одном классе учились». Она сунула Катюше в рот кусок жирного творожка с изюмом. В Полтавскую на автобусе Дарья Сергеевна со Славочкой и Катюшей добралась только к вечеру. Небольшие, но ухоженные каменные домики по одну сторону от дороги, по другую – поле, куинджевский закат, деревянная табличка «Полт…вская», буква «А» валяется в жухлой траве.

– Вы к Анне? – из ближайшего дворика вышел мужик и оглядел троих путников, как товар.

– К Анне.

– Тридцать рублей за комнату в сутки. У меня как раз съехали жильцы. Через пару дней подойдет очередь. Поди займи пока, а я детей твоих в дом провожу.

– Курорт вдвое меньше стоит стоит, – возмутилась Дарья Сергеевна.

– Ты, наверное, не на курорт приехала.

– Нет денег. Только на лечение и обратную дорогу.

Мужик оглядел Дарью Сергеевну со всех сторон: измученное лицо, застиранные руки, но грудь высокая, талия тонкая, бедра крутые.

– Мыть, убирать, обед готовить умеешь?

– Пальчики оближешь.

– Седьмой дом, отсюда направо. Иди, запишись, будете в сенях спать, у меня там тепло. – Он взял пожитки и пошел к крыльцу.

Несмотря на поздний час, у дома Анны толпился народ, в окнах горел свет. Дарья Сергеевна подошла к отдельно стоящей кучке людей.

– Живая очередь?

– Нет, просто вечерние встречи. А записаться у Зинаиды, помощницы, можно. Толкни калитку, постучись в дверь, – доброжелательно ответила молодая женщина в платке и длинном зимнем пальто с потертым норковым воротником.

Дарью Сергеевну встретила суровая Зинаида. Завела в маленькую комнатку-кладовку, там стоял простой стол, табуретки. Открыла толстую студенческую тетрадь в клетку, взяла ручку, подняла глаза.

– Чем болеешь?

– Не я, сын. Суставы… а он скрипач.

– Завтра не приходи. Приходи послезавтра. Анна принимает с восьми утра и до пяти вечера. С двенадцати до трех у нее обед. Суббота-воскресенье – выходной. Будешь ждать у дома. Если крикнут – зайдешь, нет – значит, на следующий день придешь.

– Ишь ты! – ухмыльнулась Дарья Сергеевна.

– Не «ишь ты», – резко вскинулась Зинаида. – Не огород копает, через свою кровь всех пропускает. Ей вообще два раза в неделю принимать надо, а не гробить себя. – Зинаиду задели за живое, ее лицо налилось кровью.

– Да я ж не знала, – потупилась Дарья Сергеевна. – Как заведено, так и сделаю.

Вышла к людям, огляделась. Заметила неподалеку от дома Анны поляну, на которой впритык, одна к одной, были разбиты палатки. В общей массе цвета военного брезента мель-

кали несколько разноцветных импортных куполов. Прошлась по улице, всюду полушепотом приезжие рассказывали друг другу о бедах, исцелениях, врачах, мытарствах. В станице, видимо, было заведено совершать этот вечерний променад горя и надежды. Кроме приема Анны, делать тут было абсолютно нечего.

Дарья Сергеевна вернулась в дом к мужику. В сенях было действительно тепло, к стене тулился большой топчан, накрытый кучей несвежих стеганых одеял, стояли колченогие венские стулья, затертый сервант с разношерстной посудой и крохотный столик. Хозяин вынес из комнаты горячий чайник с плиты, копеечные печенья. В дом не приглашал. Все четверо уселись за столик, Дарья Сергеевна выложила остатки еды из поезда: спинку от жареной курочки в сухарях, два яйца, лимонные круглые конфеты в россыпь. Достала из серванта непромытые липкие тарелки, вздохнула, разломала надвое куриную спинку, положила детям и добавила по яичку. Печенье и конфеты высыпала в общую тарелку.

Катюша, помыв руки ледяной водой в садовом умывальнике со смешным язычком, который надо было толкать вверх-вниз, с аппетитом начала есть. Славочка уставился в одну точку, к еде не притронулся. Дарья Сергеевна отхлебнула чай, взяла печенье. Мужик метнулся в комнату, принес початую бутылку водки, достал две заляпанные стопочки, поставил на стол, наполнил доверху.

– Ну добро пожаловать. Степан.

– Дарья.

– Дети у тебя красивые. Девчонка особенно. – Он потрепал Катюшу за щечку. – Давай, Дарья, хлебнула горя, хлебни водочки.

Они чокнулись, выпили залпом. Степан потянулся к Славочкиной тарелке за курочкой, но Славочка резко накрыл его руку своей ужасной пятерней с распухшими суставами и подвинул тарелку Катюше.

– А малой-то сечет! – Степан подмигнул. – Не мертвец он вовсе, придуривается.

Снова сбегал в комнату, принес тарелочку с нарезанным хлебом и салом. Дети, измученные дорогой, легли на топчан, накрывшись горой одеял, прижались друг к другу и тут же уснули.

– Несчастная ты, Дарья… – У Степана развязался язык. – Погубила ты в себе женщину. А красивая ведь баба, все при тебе.

Дарья Сергеевна, опрокинувшая сотку на полуголодный желудок, впала в небытие, разомлела в тепле и заревела. Вот так навзрыд, дурой, белугой, не боясь разбудить детей, не стесняясь выглядеть распухшей, ревела и ревела, уронив голову в ладони. Степан долго смотрел на нее, не забывая опрокидывать одну рюмку за другой, а потом крякнул:

– Ну все, пойдем лечиться.

Приобнял Дарью Сергеевну за талию, провел через большую комнату в маленькую душную клетушку без окна, с кроватью и настенным ковром. Уложил, раздел и, не целуя, долго, по-мужицки возился взад-вперед с почти уже бесчувственной квартиранткой.

Первую ночь за последние полгода Дарья Сергеевна проспала без снов до девяти утра. Открыла глаза, ничего не понимая, увидела перед собой одетого бодрого Степана.

– Ну ты спать, матушка, сегодня две комнаты заселяются, нужно все прибрать, обед приготовить…

Дарья Сергеевна, судорожно натянув платье и хлопковые колготки, выскочила из комнаты и остолбенела: сени остыли практически до уличной ноябрьской температуры. Дети, крепко обнявшись, спали, почти с головой зарытые в одеяла. На подушке плотно прижалась к Катюшиной щеке свернутая клубком трехцветная кошка. Дарья подошла ближе: лица детей были абсолютно белыми, ангельскими и красивыми. Она почувствовала себя грязной шлюхой, хотя и сладко выспавшейся.

День прошел в хлопотах. Дарья Сергеевна, перемывала с триалоном липкую посуду, стирала в тазу Степаново белье, несколько штанов и рубашек. Из принесенных им продуктов варила суп, готовила голубцы, компот, все время подкармливая Катюшу, которая вертелась рядом. Несколько раз подносила к губам так и не вставшего с постели Славочки то бульон, то капустный пирог, то вареники с картошкой.

На следующее утро они вместе с сыном пошли к дому Анны. Сильно похолодало. Степан дал им зимние тулупы. Катюша осталась дома. Время тянулось медленно. Замотанные в пуховые шали и какие-то тряпки люди стояли, сидели, ходили вдоль по улице, переговаривались, вздыхали. Время от времени на крыльцо выходила Зинаида и зычно кричала: «Артамоновы! Беляев! Солдатенко!» Фамилии десятикратно повторялись в толпе.

Часам к четырем Дарья Сергеевна уже понимала, что сегодня им не попасть на прием, как вдруг люди заголосили: «Клюевы! Где Клюевы?»

Схватив за запястье безучастного Славочку, мать рванулась к двери. Зинаида раздела их и провела в большую и красиво обставленную комнату с пушистым ковром, югославской стенкой, начищенным хрусталем на полках и удобными креслами за большим столом. В одном из них сидела простая и толстая женщина с короткой высветленной «химией» на голове. Дарья Сергеевна растерялась. Она представляла себе бабку в платочке, со свечами и иконами на стенах, пучками засушенных трав и лягушками в банках. Анна улыбнулась, жестом показала Дарье Сергеевне сесть поодаль, на стул около стены. Славочку пригласила в кресло перед собой, взяла его руки в свои ладони. Долго прощупывала пальцами каждый его сустав, гладила локти, колени, лодыжки, тяжело опустившись перед подростком на четвереньки. Встала, обернулась к Дарье Сергеевне: «Пойдите, погуляйте, мама. Пять дней будете ходить ко мне на лечение. Оплата и все вопросы – к Зинаиде». Дарья Сергеевна вышла в арку без двери и оказалась в соседней комнате, которую, следуя за Зинаидой, вначале и не заметила. Сделав два шага в сторону, она замерла, чтобы слышать и краем глазом видеть, что будут делать с сыном.

Анна пристально смотрела на Славочку. У нее были мясистые щеки, цепкие серые глаза, немного смещенный набок нос, пухлые губы. В целом, если бы не умный взгляд – лицо продавщицы в молочном отделе. Она взяла со стола ножны, достала кинжал и стала водить вдоль Славочкиного тела, будто счищала с него кожуру, что-то приговаривая и периодически ужасно рыгая. Чем дальше, тем больше тело ее содрогалось отрыжкой, и в итоге она кинулась в скрытое помещение за шторкой, где, судя по звукам, ее жестоко вырвало. Через пять минут Анна вышла опустошенной. «Мама, заходите!» – крикнула она, будто не сомневалась, что Дарья Сергеевна никуда дальше соседней комнаты и не уходила.

– Завтра и впредь парень пусть приходит один. Вас, мама, даже на порог не пущу, – строго сказала целительница.

Дарья Сергеевна, измученная, рассчиталась с Зинаидой («по-божески», подумала, доставая купюры из затертого кошелька), привела Славочку домой и строго сказала Степану, что спать ляжет в сенях с детьми, а в комнату будет заходить только для уборки и готовки.

– Да ладно, Дашунь, по рюмочке-то выпьем, – подмигнул Степан.

Дарья Сергеевна опять разревелась. Они снова сидели за маленьким столом в еще не остывших сенях. Дашуней ее называла мать. Она являлась ей во снах в огненной одежде, закрывая лицо поднятым локтем.

– Обними меня, – просила Дарья.

Но мать мотала головой и пятилась назад. Стыдилась своего лица еще при жизни. Их называли рыжиками – сборщиц гранат, которые работали на местном заводе боеприпасов. От взрывчатого вещества кожа приобретала оранжевый оттенок, волосы становились тыквенными, а руки – грязно-желтыми, с красными дужками под ногтями и вокруг лунок. Мать приходила домой и щеткой до крови терла кожу. Однажды она вернулась раньше времени и, не снимая резиновых сапог, упала на холодный пол.

– Мам, ты чего? – Дашуня наклонилась над ней, втягивая ноздрями привычный запах пороха и костра.

– Ты больше с нами не живешь, – сказала мать.

– Как?

– Кормить тебя больше не буду. Выходи замуж и убирайся.

От ледяной обиды восемнадцатилетняя Дашуня прокусила губу, кинулась в дверь и столкнулась с безумным и поседевшим отцом.

– Мать погибла, – прошептал он синим ртом. – Цех взорвался, рыжее пламя полощет над городом.

– Так вон она лежит… – пролепетала Дашуня.

Отец рванул в комнату, упал на колени и начал сгребать жену с пола, пытаясь прижать к себе. Из его груди вырывался не то плач, не то волчий лающий кашель. Он елозил грязными кургузыми пальцами по ее оранжевым волосам и выл:

– Жива, дура, жива-а-а…

Мать затравленными глазами смотрела на него и тихо стонала:

– Меня выгнали сегодня, Сергуня, с работы выгнали. Без выплаты пособия, я брак выдала, брак. Мы нищие, нищие…

– Вот так и пришлось выйти замуж. За первого попавшегося Юрку, что ухаживал. – Дарья Сергеевна всхлипнула.

– Не любила его, что ли? – спросил Степан.

– Да никого я не любила. Я, Степ, вообще к мужикам равнодушна. Все эти ваши поцелуйчики мокрым ртом, все эти ваши кряхтенья – неинтересно мне все это, Степ! Вот дети – это да. Славочка. Да и Катюша. Души в нем не чаю. То есть в них.

– В нем-то не чаешь, а на дочурку наплевать тебе. – Степан откинулся на спинку стула. – Мне б такую дочурку. Моя-то выросла, в город уехала. Букой была, вся в жену, Царство ей небесное. А твоя – цветочек аленький. Пока ты там сына лечишь, мы весь день вместе. Звенит, как колокольчик, сердце прям радуется. Я уж ее и на лошади катал, и закат встречали, и стол жильцам накрывали. И леденцов купил. И в щечку целовал, и в ручку. Моя она как будто.

Все дни Дарья Сергеевна хлопотала по дому Степана, а когда Славочке нужно было идти к Анне, вопреки ее наказу, доводила сына до ворот целительницы, юркала в калитку, обходила дом сзади и заглядывала в окно, как тогда, в музыкальной школе. Кроме кремовых занавесок с разводами и помпезной хрустальной люстры ничего увидеть она не могла, но напряженно вслушивалась в надежде понять, как идет лечение.

На последний, пятый сеанс Анна пригласила Славочку к половине пятого вечера, концу приема и концу рабочей недели. Так же водила кинжалом, шептала, срыгивала. Славочка сидел на стуле и все пять дней не чувствовал вообще ничего. Просто отстраненно наблюдал, как эта тяжелая женщина вертится вокруг него, иногда опускаясь на колени, с трудом вставая, мучительно рыгая и периодически убегая в уборную за занавеской, чтобы сплюнуть отрыжку. Но в какой-то момент, когда Анна над его головой совершала кинжалом круговые движения, он отключился, впал в транс и очнулся только от того, что окно резко открылось, холодный ветер полоснул ему по лицу, а Анна закричала: «Кто-о-о?»

– Мама, – выдохнул Славочка.

Анна вдохнула кубометр воздуха, что-то забормотала и снова завопила: «Кто-о-о?»

– Аська, – гаркнул Славочка чужим голосом, не вполне осознавая, что именно его речевой аппарат вытолкнул это имя.

Анна отрезала это еще теплое слово от Славочкиных губ, шире раскрыла окно, выпустила нагретый комнатный воздух в ледяное предзимнее небо и резко закрыла ставни. Потом

задергалась в конвульсиях, побежала к унитазу за занавеской и долго сотрясала воздух мучительной рвотой.

– Ну хватит. – В комнату вбежала взволнованная и заплаканная Зинаида. – Хватит, Аня, я больше не могу это слышать. – Приняла на руки выпавшую из-за занавески целительницу и подвинула к ней кресло.

– Все, Зин, иди, иди, накрывай ужинать. И позови эту, мать его, под окном вон торчит, – сказала она и обернулась к Славочке:

– Пройдут твои суставы, сынок, все пройдет. А если без любви не сможешь женской, так приезжай сюда, все верну. Только один приезжай, без матери.

Окоченевшая Дарья Сергеевна зашла в теплую комнату.

– Зинаида назначит вам травы, пусть пьет три месяца. – Анна переменилась в интонации, говорила отрывисто, строго, потом кивнула Славочке: – Выйди!

– Оставьте его, мама. – В голосе Анны звенело железо.

– Как оставьте? – Дарья Сергеевна оторопела. – Вы в своем уме, он же сын мой! Кому, куда, где я его оставлю? Да он кровиночка моя, жизнь моя. – Она залилась слезами.

– У вас муж есть, дочь есть, вот ими и займитесь. – Женщины встретилась глазами. Анна смотрела внутрь зрачков Дарьи Сергеевны. Но та выдержала взгляд и пошла в атаку, как боксер на ринге. Сжала зубы, налилась кровью:

– Никогда не оставлю. И никому не отдам.

– Да и черт с вами, езжайте домой. Лечение окончено.

Анна ела оливье, Зинаида суетилась, подкладывала ей на тарелку то огурчики, то маленькие бутерброды с сыром, то поджаренные тефтельки. Налила обеим по рюмочке, села рядом. Обе выдохнули, выпили залпом.

– Ну что? **Девчонку** отрезала? – спросила Зинаида.

– Девчонку.

– А надо было мать.

– Да я б не выжила, если б мать отрезала. Видала, сколько силищи в этой стерве?

– Задавит она парня.

– Задавит. – Анна кивнула с набитым ртом. – Судьба у него красивая, его еще нам с тобой по телевизору покажут.

Сестры засмеялись, прожевывая тефтельки.

– Зато девочку спасла. Налей-ка мне еще водочки. Мамаша эта ее б со свету сжила полюбому. – Анна наколола на вилку огурчик, уставилась на него и загрустила. – Детей только у него не будет. Род заканчивается. А жаль. Красивый пацан. Породистый.

Дарья Сергеевна возвращалась с сыном к Степану по дороге вдоль поля. Марсианский закат отражался в лужах и стеклах домов с другой стороны.

– Мам, красиво здесь, да? – первый раз за несколько месяцев очнулся Славочка и по-детски шлепнул ногой по луже, разбрызгивая закат. – Так есть хочется. Мам, а ты утром вареники делала, да? В сенях пахло. С вишней, мам?

Дарья Сергеевна остановилась, взглянула сыну в исхудавшее лицо. В глазах ее стояли слезы. За долгие мучительные полгода он ни разу не попросил есть. В кожаном ремне каждую неделю нужно было делать новую дырку, ближе к центру, чтобы брюки хоть как-то держались на тощих бедрах. Куртка висела на нем, как на пугале, сделанном из старой швабры.

Она взяла его лицо в свои руки и, всхлипывая, стала покрывать поцелуями.

– Родной мой, деточка моя, тебе и правда легче? И супчик дома есть, и вареники, и пирог я испеку, все для тебя, мое золотце, сердечко мое, сладость моя…

– Мам, ну не плачь, пошли домой, быка бы сейчас съел.

Из дома выскочила всегда веселая Катюша. Славочка раскрыл объятья ей навстречу, она запрыгнула ему на шею, обвивая руками и ногами.

– А дядя Степа меня снова на лошадке катал!

Он кружил ее, как пушинку, теплый, любимый, нежный комочек, вечный кусочек радости. Он не представлял жизни без нее, перегрыз бы горло любому, кто решился бы обидеть сестру.

– Братан, да тебе полегчало! Все-таки Анка наша – мощь! Не зря к ней люди со всего мира прутся. – Степан был красный, оживленный, широкий душой: сегодня они сидели не в сенях, а за большим столом в комнате. С самоваром, с бутылью самогона, с блестящими, перемытыми Дарьей Сергеевной рюмками. Славочка ел, как тигр, срывая зубами мясо с куриной кости, запихивая в рот одновременно все, что лежало на столе. Дарья Сергеевна лоснилась от пота и рюмочки самогонки, улыбалась, открывая зубы, и даже хохотала над сальными Степановыми шутками. Катюша сидела на коленях Степана, а он, обняв ее одной рукой, другой широко описывал круги, оживляя сцены из своей героической жизни и попутно сшибая со стола то тарелку с закуской, то рюмку, то уже полупустую бутыль.

Когда дети легли спать, они вдвоем остались за столом, и Степан вдруг сник:

– Дашунь, так вы завтра уезжаете, что ли?

– Уезжаем, Степ, уж и Катька школу пропускает, и Славочке, даст бог, придется в училище восстанавливаться. И болонка у нас там, надеюсь, не померла. Да и муж… – Она осеклась.

– Оставайся, Даш. Разве ж плохо тебе со мной было? Ты – вот прям моя баба, Дашунь, тебе налей рюмочку – и ты на все готова, а хозяйка какая… Катюшу б здесь в школу отдали, а Славку б твоего в Ставрополь отправили… ну, там, на скрипке… или на чем он лабает?

– Лабает? В Ставрополь? Да ты в своем уме, Степан? Где ты, а где мой Славочка! Его Москва ждет, весь мир его ждет! – Она бросила стальной взгляд, от которого Степан мгновенно отрезвел и почувствовал себя нищим актером, сыгравшим за рубль свою ролюшку и выброшенным на улицу пинком под зад.

Дарья Сергеевна вымыла посуду и ушла спать в сени к детям. Степан остался один, допил бутыль и уснул, уткнувшись в миску с остывшими варениками.

Глава 4

Спустя месяц Славочкины суставы вернулись в прежнее состояние, боль ушла, пальцы стали подвижными. По нескольку минут в день он брал инструмент и пытался разыгрываться. Дарья Сергеевна, собрав старые и свежие рентгеновские снимки, приехала к медицинскому светиле, ворвалась без очереди, потрясла у него перед лицом и шмякнула на стол проекции Славочкиных рук.

– Чашку держать не будет? – торжественно продекламировала она. – Да его в музучилище назад приняли! Вы все его еще узнаете! Доктора херовы!

Славочка пропустил больше полугода, его восстановили, но с потерей одного курса. За время болезни в училище пришел новый педагог – Филипп Андреевич Изугов, в прошлом преподаватель Гнесинки, непонятно почему сосланный из столицы в провинциальный город. Он долго присматривался к Славочке и предложил перейти к нему в ученики от Анны Георгиевны Петросян, известной в Н-ске скрипачке. На общем собрании решение одобрили. Славочка стал заниматься под руководством Филизуга (так струнники за глаза прозвали москвича). Они, помимо уроков, встречались в свободных классах вечерами, и спустя год Славочка не просто набрал былую силу, но и продвинулся в технике настолько, что его сразу перевели с первого на третий курс. Сам Филизуг был весьма виртуозен, истово верил в Славочкину гениальность, и на концертах, в том числе филармонических, они чаще выступали дуэтом, передавая и подхватывая соло от одного другому, артистично улыбаясь и подмигивая друг другу, на лету меняясь смычками и исполняя другие, необязательные, но очень волнующие зрителей трюки. Филизуг был немолодой, высокий, одного роста со Славочкой, подтянутый, худощавый, элегантный, с крупными и некрасивыми, но выразительными чертами лица. В обычной жизни он носил голубые джинсы и свободные пуловеры с V-образным вырезом, темно-синий в крапинку шейный платок и дорогие ботинки с узким носом. Его будто бы вырвали из какого-то европейского будущего и сплюнули в Н-ске в конце девяностых, настолько он был непровинциальным, незашоренным, непохожим на всех остальных. На выступлениях они стояли со Славочкой в смокингах и бабочках, стареющий, но еще сильный лев-отец… И набирающий мощь молодой горящий лев-подросток – оба смотрелись восхитительно, купались во влюбленных глазах женщин, срывали неистовые аплодисменты, снисходительно принимали букеты цветов. Неудивительно, что Славочка во всем копировал своего учителя, обожал его талант, его свободу, проводил с ним большую часть жизни в репетициях, концертах, ресторанах, беседах.

Зимним вечером они занимались в большом зале училища (администратор оставила им ключи) с двумя роялями и помпезными шторами на холодных окнах, репетировали 1-й концерт Чайковского для новогоднего выступления. Филизуг аккомпанировал Славочке (он элегантно владел фортепиано, читая с листа), останавливался, возбужденно брал скрипку, показывал неудавшийся фрагмент, снова садился за рояль. Славочка был изможден концом недели, огромной нагрузкой. Пальцы заплетались, он хотел маминых фрикаделек и полноценного сна. Филизуг орал.

– Слава, проснись! Ты что, почувствовал себя охренеть каким гением (гнев Филиппа Андреевича был одухотворенным и высокохудожественным)? Ты четвертый раз долбишь эту вариацию, будто всаживаешь кол в вурдалака. Здесь любовь, Слава-а, любовь в ее чистейшем, кристаллизованном виде. Ты любил кого-нибудь, кроме себя, гребаный эгоист?

Славочка опустил скрипку, закрыл глаза. Филизуг стоял в эффектной позе, махал руками, фонтанируя сочными образами и матерясь. Перед Славочкиными глазами поплыли картины маленького зала музыкальной школы, тоже с двумя роялями Petroff, Аськины руки на клавишах, сумасшедшая энергетика, чувственность музыки из-под ее пальцев… О чем она думала в этот момент? Откуда была такая мощь любви в этой ушастой дурочке? Кого она

любила? Своих драных кошек? Губастых рыбок? Славочка вновь физически ощутил запах подпушья на ее шее, прикосновенье горячего языка… Как бы он хотел в ответ попробовать на вкус ее кожу… Если бы только в дверь не ворвалась мама и Аськины подруги… Славочку затрясло, закололо в суставах, он вскинулся, поднял скрипку и заиграл, через боль, через слезы, через дрожь, которая вплелась в мощное вибрато…

Филизуг заткнулся, подошел почти вплотную к играющему ученику, отодвинул пюпитр, вонзился глазами в его зрачки. Сквозь слезы увидел Славочкины влажные щеки. Увидел красную вспотевшую шею, пульсирующую вену. Славочка оборвал пассаж и бросил смычок…

– Умеешь любить, да? Умеешь любить, засранец? Кого, признавайся, ты сейчас целовал этой музыкой? Кого, чертов ангел? – Филизуг колотился, как от судороги. Он метнулся к стене, выключил свет и вплотную придвинулся к Славочке. Резким движением дернул скрипку из его руки, положил на стул. Ладонями сжал его лицо. Притянул к себе. Губами прижался к губам.

– Филипп Андреич, вы чего? – Ошалевший Славочка безуспешно попытался вырваться.

– Для тебя я Фил, просто Фил, понял, говнюк? Я люблю тебя, понял, засранец, люблю с первого твоего появления в этой гребаной шараге. Я не удавился в этом вашем Мухосранске только потому, что встретил тебя. Я живу только тобой, придурок, ты – уникум, понял, дебил? Мы поедем в Москву, ты поступишь в Гнесинку, ты будешь блистать, я буду твоей тенью, я готов быть твоим смычком, мальчик…

Когда погас свет, Дарья Сергеевна, как всегда, мерзнущая под окном, выдохнула: занятие закончилось. Но Славочка не выходил. Она подошла к двери училища, вернулась к окну, потом снова к двери. «Ладно, хоть не по девкам шляется», – подумала Дарья Сергеевна. Через полчаса дверь открылась сильным пинком, на улицу вышел Славочка.

– Мама, зачем ты тут?

– Сыночек, я как раз из магазина. – Дарья Сергеевна засуетилась.

– Какой магазин в десять вечера, мама! Почему ты ходишь за мной по пятам, мама? – Славочка сорвался на фальцет, швырнул на снег футляр со скрипкой, упал в сугроб и зарыдал. Мать кинулась, неуклюже приседая на опухших ногах (венозный застой прогрессировал), подняла инструмент, потянула сына за пальто.

– Пойдем, родненький, ты устал, дома супчик с фрикадельками. Все хорошо, Филипп Андреич не зря с тобой так долго занимается, он чувствует твой дар, он хочет, чтоб ты был знаменитым…

Славочка выл, лежа в сугробе, его пальто стояло колом и сотрясалось от рыданий, он больше не хотел фрикаделек, он хотел вернуться в маленький кабинет с ушастой девочкой за пианино, в которую тыкал смычком, он хотел закрыть дверь на сто замков, на сто ключей, на сто оков. Хотел остаться в этом кабинете навсегда, навсегда. И чтобы не было *потом*. Чтобы этого *потом* ни секунды больше не было…

Глава 5

Май перевалил за середину, надвигался школьный выпускной бал. Ася сидела вместе с Алкой, одноклассницей и подругой, в скверике перед давно потухшим фонтаном и ела жирную соленую чехонь, купленную у бабок на остановке девятнадцатого трамвая. На лавочке была расстелена «Волжская коммуна». В конце сквера у палаток разворачивалась драка.

– Опять рэкетиры к Кощею нагрянули, – констатировала Алка, отрывая зубами рыбий плавник.

– Че у тебя с ним? – прожевывая прилипшую к зубам рыбу, спросила Ася.

– Да ниче. Козел он. И вообще ты знаешь, кому принадлежит мое сердце.

Алкино сердце, как, собственно, и Асино, колотилось при виде одного из актеров в фильме «Гардемарины, вперед!», они любили его горячо и совместно, обсуждая каждую новость, которая выходила в газетах или передаче «Кинопанорама». Раз в месяц обе наведывались в районную библиотеку, брали в читальном зале пачку журналов «Экран» и садились за задний стол небольшой комнаты. Сначала листали свежий номер, прислонившись головами друг к другу, потом Алка доставала маленькую шоколадку «Россия» и начинала рьяно шуршать ее оберткой из вощеной бумаги и фольги. В это время Ася выдирала из журнала нужные листы с вожделенными фотографиями гардемарина для себя и Алки, а вечером они рассматривали трофеи, ревели и мечтали. Одно из этих фото, там, где актер, накачанный и бритый, с мечом в руке и геенной огненной на заднем плане, Ася вставила поверх портрета ахалтекинской лошади. Этот портрет в рамке под дешевой пленкой подарила ей на день рождения дорогая тетя. Ася любила тетю, любила лошадей, но Жигунова любила больше. Поэтому, выцарапав гвоздем пленку, она затолкала под нее кумира и повесила над столом.

Алка была не столь изобретательной. Она клеила Жигунова прямо на обои, за что каждый раз получала скрученным полотенцем от «мамки» – на самом деле бабушки, которая растила Алку одна после гибели ее матери при родах и женитьбе отца на другой женщине. Отношения с «мамкой» были тяжелыми. Марья Ильинична запрещала Алке все: встречаться с мальчиками, гулять с девочками, носить короткие юбки (жопу-то открыла свою жирную!), краситься, приходить после восьми вечера. Алка попирала все запреты. Обладая кустодиевскими формами, она раньше своих ровесниц лишилась девственности, красилась наотмашь, знала всех владельцев ларьков в округе не только в лицо и нередко влипала в истории, от которых у Аси шевелились уши. При этом всегда была весела, независтлива и бескорыстна. Ася доверяла ей свои секреты.

– Знаешь, кого я видела? Клюквина! – сообщила Алка, догрызая рыбий хвост.

– Кто это?

– Ну который с тобой в музыкалке был. – Алка не училась в музыкальной школе, но знала от Аси все новости.

– Клюева?

– Ну да. Он на городском конкурсе выступал. «Мамку» туда пригласили как работницу тыла, и она меня потащила. Он там на скрипочке своей пилил. С ним еще педераст какой-то стареющий возился. Ваще красивый, козел.

– Педераст?

– Не, Клюков твой.

– Он такой же мой, как и твой. Вообще странный он, знаешь. – Ася задумчиво обсасывала остатки мяса на рыбном скелете. – С одной стороны, пресный, как вот эта чехонь до засолки, ни запаха от него нет, ни цвета. С другой стороны, как начинает играть, вот прям дышать нечем, вот, знаешь, родила бы ему пятерых сыновей и всю жизнь пылинки бы с фрака сдувала. А

потом **придет в тонику**, задерет свой подбородок надменный, и думаешь: как такое вообще в голову могло прийти? Жлоб жлобом.

– Куда придет?

– Да неважно. Давай, заводи нашу.

Алка вдохнула, пафосно подняла в руке рыбий хвост и, дирижируя им, загудела на одной низкой ноте:

Тумба-тумба-тумба-тумба…

Ася закатила глаза и вступила первым сопрано:

Пли пли плиси тумба
Ква, ква, ква
А дерла мерла шерла
Тумба-тумба-тумба-тумба
Полевая, строевая, тум-ба-а-а!

Они громко захохотали, но осеклись, когда в центре драки, куда были вовлечены уже около пяти-шести мужиков, раздался выстрел. Алка резко встала.

– Сейчас Кощея порешат, пошли… – И рванула к сваре. Ася дернулась за ней.

В середине месива лежал Кощей с разбитым лицом, вокруг мялись плотные и лысые братки.

– Вы че, его убили? – завопила Алка.

– Да не, пуганули только, а ты кто, толстуха?

– Невеста его. Много должен?

– А ты че, хочешь за него отработать? – Браток схватил Алку за руку.

– Оставь ее! – заорала Ася.

– А тебе чего, ушастая?

– Бутылочку воды продайте. После рыбы пить хочется. – Ася дебильно улыбнулась.

– После рыбы пивка надо пить. – Обстановка постепенно разряжалась, Кощей завозился, начал вставать на четвереньки. – Поехали, девки, с нами, все будет – и водичка, и водочка.

– Да не, в другой раз. – Ася резко толкнула Алку, и одномоментно они дали деру в сторону жилых домов, благо знали в своем районе каждую тропинку и укрытие.

– Смотри, как бегут, – рыгнул один из свары. – Одна такая цок-цок-цок – стройняга, а другая тыц-тыц-тыц – пышечка волшебная. Догоним? Чур, мне толстуху.

– Да не, поехали, потом отловим как-нибудь, – сплюнул другой, и толпа села в новенькую «шестерку», оставив Кощея корчиться на пыльном асфальте.

– Слышь, Алка, я зареклась с тобой ввязываться в приключения. – Они добежали до небольшого дворика, спрятались под балконом первого этажа и, тяжело дыша, включили кран, торчащий из бойницы подвального помещения. Зажурчала ржавая струйка воды. Ася умыла лицо, подождала, пока сольется ржавчина и, сложившись в три погибели, припала губами к крану, сильно вывернув голову набок. Напилась, подпустила подругу. Алка смешно встала на четвереньки и тоже впилась в кран накрашенным ртом. Ася захохотала. Алка стояла, как корова у водопоя, и, захлебываясь, тоже давилась смехом.

Асе почему-то вспомнилось, как однажды Марья Ильинична жаловалась на внучку:

– Ась, ну представляешь, открываю я комнату, а она стоит на четвереньках перед этим кобелем с автозаправки – домой привела, представляешь? Стоит и ртом это его хозяйство трогает! И, главное, делает все это под образа́ми гардемарина вашего гребаного, которым она все обои засрала. Мы ж с ней только месяц назад обои поклеили, Ась!

– Да ладно, МарьИльинишна, просто она винтик на полу потеряла, вот и стояла. – Ася мучительно сдерживала смех.

– Из мозгов ее никудышных этот винтик вывалился. Эх, Аська, какая ж ты еще маленькая. А моя-то дура рано созрела, проблем-то с ней сколько! Помру я, кто ж ее, идиотку, защитит?

Подруги уселись на скамейку возле пустой песочницы.

– Может, тебе надо было в музучилище пойти? – Алка достала зеркальце и подкрасила губы огрызком темной помады. – Комплиментировала бы ему за роялем. – Она наигранно выделила все буквы «о».

– Аккомпанировала, – поправила Ася.

– Ну или так.

– Не. Я вторым номером не играю, ты ж знаешь. У меня будет свое соло.

Глава 6

Тот факт, что она – пуп земли и мир вертится вокруг, Ася чувствовала с детства. Ее любили родители, любили дедушка с бабушкой, любили кошки и собаки. Ей доставляло удовольствие кого-то спасать, лечить, видеть, как тощее становится упитанным, лысое – пушистым, гнойное – здоровым, грязное – чистым. Процесс созидания и развития ее вдохновлял, напитывал радостью, наделял силой. Разрушение же было невыносимым. Она не могла смириться со смертью. Рыдала над сбитой машиной собакой, тащила с дороги труп, зарывала за гаражами, а потом выла ночами, испытывая всю ту боль, которая, как ей казалось, обрушилась на это маленькое лохматое существо. Вступала в бой с бандой обкуренных старшеклассников, которые гонялись за обезумевшей кошкой. Неслась на них с криком и папкой для нот, будто в ее руках была как минимум секира: укурки разбегались, кошка пряталась в подвал. Она была органична в любой компании, не тянула одеяло на себя, но и не отдавала другим. Была убедительна в своих доводах, художественна в словесных образах, трепетна к талантам, снисходительна к бездарям. Хорошая девочка. Жизнь не предоставляла ей случая стать плохой. С детства умела нравиться мальчикам. Не всем подряд, но самым лучшим. В садике ее караулил за каждым углом, помогал натягивать колготки и целовал в кустах на прогулке всеобщий любимчик Сережа. В младших классах носил огромные эчпочмаки и чмокал жирными от мясного сока губами самый симпатичный в классе Рашид, в старших – не давал прохода и зажимал в раздевалке желанный всеми одноклассницами накачанный Вовчик. На дачном участке она дружила со Стасиком – самым синеглазым и светловолосым во всей округе. Они были вместе с раннего детства, каждое лето прикипали другу к другу намертво, а потом, перед началом осени, родители растаскивали их по домам, не давая ни единого шанса на встречу. Мамы-папы были лишь дачными соседями: «Добрый день! Как выросли дети!» – «До свидания, до следующего лета!»

Возможно, поэтому за три летних месяца от Стасика Ася узнавала больше, чем за весь год от всех учителей сразу. В девять лет Стасик научил ее курить и делать детей. У его отца была голубая «Волга» – единственная машина на всей просеке. Он открывал ворота и загонял ее на специально выстроенную платформу: две деревянные колеи для колес, под которыми была вырыта ремонтная яма. Каждый вечер, открывая ворота, отец емко матерился: в яме неизменно вырастало какое-то жилище: то для индейцев, то для бобров, то для ласточек. Он брал лопату, стоявшую у калитки, и рушил все к чертям собачьим, чтобы автомобиль мог заехать на парковку. Но, подобно пчелам, на которых не действовали никакие ядохимикаты, Стасик с Асей с утра снова строили вигвамы и гнезда, пока машина отца отсутствовала.

– Давай покурим, – предложил однажды Стасик.

– Я не умею. – В семье Аси не курили.

– Это легко. – Стасик отломил огромный высохший стебель с полостью внутри и разделил его на соломинки. – Вот, спички у отца стырил.

Они улеглись внутри выстроенного в ремонтной яме хлипкого шалаша из сухих веток и накрылись старым одеялом, лежа на котором отец обычно ковырял брюхо своей Волги. Стасик взял в рот соломинку, поджег противоположный конец спичкой и начал тихонько втягивать и выпускать дым изо рта.

– Теперь ты.

Ася зажала зубами соломинку, друг с третьей попытки ее поджег. Она что есть мочи вдохнула, в доли секунды соломинка загорелась, полоснув пламенем по губам. Ася вскрикнула и отшвырнула горящий стебель в сторону. Пылающая трубочка упала на ватное одеяло, Стасик рванулся, головой задел ветки, шалаш упал на них, подхватываемый огнем.

Соседей по даче не удивило пионерское пламя, здесь к вечеру часто сжигали мусор и устраивали костры. Когда приехал отец, внутри ямы догорали угли, вместо въездных досок торчали черные, играющие искрами деревяшки. Рядом стояли два обезумевших ребенка с выпученными глазами. Они успели выскочить в первые секунды, опалив только волосы, ресницы и брови.

– Вашу мать! – только и смог произнести отец.

– Это все Ася! – закричал подбежавший лысый Владик, прозванный «гуманоидом». Владик был младшим двоюродным братом Стасика, их дачи стояли рядом, не разделенные забором, дом был общим с двумя крылечками с разных сторон. Владика тоже оставляли на все дни одного, но в общие игры его не брали в виду крайней тупости (был на три года младше) и склонности к стукачеству (не упускал возможности наябедничать на обоих). Стасика в наказание обычно запирали в доме, и он был вынужден проводить в компании гуманоида длинные и скучные дни.

На неделю Стаса изолировали от Аси. Отец выстроил металлическую платформу для парковки, а в яму опустил железную крестовину, похожую на противотанкового ежа. Асю коротко постригли, она читала «Сына полка» и «Повесть о Зое и Шуре», заданные на лето. Когда Стасика выпустили из-под домашнего ареста, он пришел к Асиному окну, оперся плечом о бревенчатую стену дачного дома и тихо предложил:

– Давай сделаем детей.

– Из чего? – поинтересовалась Ася.

– Из себя.

– Я не умею.

– Это легко. Ты меня любишь?

– Как Зоя Космодемьянская Родину? – каждый говорил о пережитом.

– Да.

– Нет. – Ася боялась пыток.

– Ну просто как друга? – с надеждой спросил Стасик.

– Как друга – да.

Был холодный дождливый день. В воздухе пахло приближением осени, моросил мелкий дождь. Ветки вишен транслировали его вниз с утроенной силой.

– Пошли на чердак, – скомандовал Стасик.

Ася повиновалась. Вообще-то она всегда его слушалась. Во-первых, он был на два года старше, во-вторых, всегда точно знал, что делать. На чердаке стоял узкий топчан с наваленными на него старыми пальто и шубами из вылезшего искусственного меха, перекошенный стол, несколько табуреток. На столе – электрическая плитка, выключенная из розетки, на ней старый эмалированный чайник, белый с розовыми цветочками на облупленном боку.

– Здесь холодно. – Ася поежилась. Пахло плесенью и старыми тряпками.

– Я включу чайник. – Стасик поднял крышечку, проверяя, есть ли вода.

Плитка нагревалась медленно. Стасик утрамбовал пальто на топчане.

– Откуда берутся дети? – с видом учителя в начале урока спросил он.

– Из живота, – вполне научно ответила Ася.

– А как они туда попадают?

– Они там зарождаются. – Ася явно была подготовлена.

– Почему они там зарождаются? – продолжал тестировать Стасик.

– Потому что… ну, не знаю… ну приходит время, и они зарождаются.

– Они зарождаются из-за того, что мама с папой начинают сильно обниматься. И прижимаются друг к другу пиписьками.

– Клево.

– Если мы сейчас будем так делать, когда ты вырастешь, у нас будут дети.

Ася задумалась. Она не могла понять, хорошо это или плохо. Было холодно, и ей хотелось уже начать действовать. Стасика она не стеснялась. Из года в год они вместе голышом купались в баке для полива с теплой зеленой водой, мотылем, существующим в разных стадиях своего перевоплощения в комаров, и жуками-водомерками, истерично метущимися по глянцевой поверхности.

– Давай, – выдохнула Ася.

Они разделись, бросили мокрую от дождя одежду поверх греющегося чайника, легли на вонючий топчан, крепко обнялись. Стасик был очень горячим, пахнущим здоровым, но грязноватым детским телом.

– Приятно? – спросил он.

– Тепло-о-о, – протянула Ася.

– Мне тоже тепло, ты как печка. – Он вжался своим маленьким и мягким писюном ей в пупок.

– Чувствуешь?

– Да-а-а. Пахнет горелым.

Стасик вжался еще сильнее.

– А сейчас?

– Что-то горит.

– Это я горю. Любишь меня?

– Люблю, только ты очень сильно на меня давишь. – Его ребра впились ей в грудь, ключицы давили на шею.

– Я мерзну, обними меня. – Стасика трясло.

Ася стала натягивать на него пальто и шубы. Они зарылись в тряпки, как в кокон, и уснули.

Когда спустя пятнадцать минут вернулся отец, из окна чердака валил дым.

– Твою ж мать! – выдохнул он.

Чайник выкипел, одежда на нем сгорела дотла, столешницу из пластика лизали языки синего пламени. Малюсенькая чердачная комната наполнилась едким дымом. Отец вбежал, кашляя и задыхаясь, начал забрасывать пламя шубами и пальто с топчана. Схватил голых, сонных, надышавшихся дымом детей в охапку, как пучок толстых веток для костра, и, спотыкаясь, спустил их по старой лестнице с чердака. Убедился, что дышат, и вновь кинулся обратно тушить остатки огня.

– Какого черта вы там делали? – орал отец.

Подоспевший гуманоид Владик поддакивал каждому его слову.

– Мы делали детей, – призналась Ася.

– Из чего-о-о? – голос отца срывался.

– Из себя.

– Вашу ма-а-ать!

– Стасик очень горячий, – пролепетала Ася. – По-моему, у него температура. Не меньше тридцати девяти. – Она знала в этом толк, часто простывала, и мама каждый раз качала головой, озвучивая показания градусника. – Ну я пойду, меня бабушка ждет.

Несколько следующих лет Ася активно ездила по пионерским лагерям и со Стасиком не встречалась. Столкнулись лбами только, когда ей исполнилось четырнадцать. Стасик оканчивал школу, волосы из белизны ушли в пепел, глаза стали суровее, кожа на лице огрубела и покрылась редкими прыщиками. Они коротко поздоровались, запылали от стыда щеками, и каждый скрылся в своем доме. И уже в студенчестве, когда дачу вынужденно продавали,

Ася на несколько часов приехала попрощаться с детством и встретила Стаськиного отца. Он был на новом «Фольксвагене» («Порше» по меркам Н-ска), стоял один у калитки, опершись бедром на багажник, курил «Мальборо». Ася увидела его как будто впервые. Крепкий, невысокий, светловолосый, полысевший посередине, синеглазый, как Стасик. Жутко обаятельный. В потертых джинсах и майке-поло с гольфистом на эмблеме.

– Здрасьте, Николай Васильич!

– Привет, банда! Ух, красавицей выросла!

Они вдруг тепло обнялись, он расцеловал ее в обе щеки. Ася подумала, что, вероятно, он всегда был мировым мужиком: ни разу не пожаловался на нее родителям, ни разу не отнял ни сливы, ни горох, ни крыжовник, которые она зачем-то воровала у Стасика на даче и была поймана с поличным, не выставил счет за сгоревшую автоплощадку и комнату. Никогда не рассказывал об их проделках своей жене, маме Стасика, высокой отрешенной блондинке, которая редко приезжала на дачу и своими длинными фуксиевыми ногтями не вписывалась в гармонию местных кустов и грядок. Наверное, он ее сильно любил.

– Как Стасик?

– Скоро женится. А ты?

– Я не скоро. Спасибо вам. За все. – Голос Аси задрожал.

– Да ладно, все у тебя будет хорошо. – Он крепко прижал ее к себе, обдав чем-то гораздо более дорогим, чем одеколон «Спортклуб»[4]. – Ты ведь не девка – огонь!

[4] *Одеколон «Спортклуб»* – популярный советский одеколон производства «Новой Зари», выпущенный в 1970-е годы.

Глава 7

Это был диоровский «Саваж», 95–96-го года выпуска[5]. Он обжег ноздри, как только она сняла крышечку. *Внезапно, как боль от плетки, перед глазами встала просека с проплешинами щебенки, деревянные щербатые заборы (лезь не хочу), перекошенные калитки, одна смешнее другой. Их собственная была особенной – в виде домика с треугольной крышей, из серых досок, вымоченных многолетними дождями. Ася часто, теряя под ногами почву, мучаясь от бессонницы, мысленно открывала эту калитку. Входя в нее, перешагивая через тонкий волосок памяти, как Алиса в Стране чудес, сразу становилась маленькой. Перед глазами был заросший сад с кустами малины. Вдали – зеленая веранда бревенчатого дома с привидениями. На веранде бабушка, полосатая кошка, запах жареной картошки. А дальше – крыши соседних домиков без удобств, покрытые то рубероидом, то вагонкой, то черепицей, – трогательно убогих, совершенно разных, абсолютно уникальных в своей незамысловатой архитектуре. Еще дальше – кудрявые верхушки дубовой рощи, уходящей в бесконечность, в вечное путешествие. Ася думала, что, покидая этот мир, она обязательно должна пройти именно по этому пути. Через эту калитку, по этой утоптанной земляной дорожке, оставляя где-то сзади и под собой возню двух детей в шалаше, бабушку с тревожными глазами, кошку на веранде, дремлющую на спинке выцветшего дивана, и обязательно отца Стасика, модного, матюгающегося, в попытке загнать свою машину на заваленную ветками стоянку.*

– Пока, Николай Васильич!

– Пока, банда! – крикнет он и посмотрит в небо голубыми Стасиковыми глазами.

– Может, и этот возьмете? Прекрасный фужер[6] старой школы. – Седой парфоман терпеливо ждал, пока Ася придет в себя.

– Нет-нет, я винтажем не увлекаюсь. Только селектив[7]. – Она расплатилась и стала засовывать в сумку заляпанный лютановский колокольчик с притертой крышечкой и Пале-Роялем на этикетке. Это был один из первых ее парфюмов – Серж Лютан Шерги (Chergue)[8]. Медово-табачно-специевая патока, бальзам на сердце. Асю всегда удивляло: почему у старых парфманьяков всегда заляпанные флаконы и грязные квартиры? Почему, имея такое острое обоняние, способное различить несколько десятков компонентов в духах, они мирятся с запахом грязи, засаленных диванных ручек, засиженных мухами холодильников? С тех пор как Ася залипла на парфюмерии, походы по таким квартиркам стали весьма частыми. Все парфманьяки паслись на Авито, и ежедневное прочесывание объявлений стало Асиным привычным занятием. Покупать духи в бутиках и сетевых магазинах в этой среде считалось глупым и недостойным. Бутики – исключительно для изучения. Ася очень любила маршруты от небольшого магазинчика «Молекула» на Неглинной через ЦУМ с его огромными парфюмерными рядами на первом этаже до небольшого, но пафосного корнера в «Модном сезоне» на Охотном Ряду. Она совершала паломничество в эту мекку много лет каждую неделю, а то и чаще, знала в лицо всех консультантов, сама рассказывала им что-нибудь познавательное, ибо набирались они через хедхантер и, кроме улыбок, не могли выдать из себя никаких знаний по предмету. Из карманов

---

[5] *Диоровский «Саваж»* – Eau Sauvage Christian Dior – одеколон для мужчин 1966 года выпуска. В 1995—96 годы отличался особой терпкостью и букетом.

[6] *Фужер* – аромат (группа ароматов), содержащий изначально ноты папоротника, чаще всего включающий аккорд лаванды, бобов тонка, бергамота, дубового мха.

[7] *Селектив* – селективная парфюмерия, считается классом выше «люксовой» (массмаркета), отличается дорогими натуральными компонентами и сложностью композиций.

[8] *Серж Лютан* (Лютен, Лютенс) *Шерги* – Sergue Lutens – французский парфюмер и основатель одноименного парфюмерного дома. *Chergue* – аромат, созданный Кристофером Шелдрейком в 2005 году.

ее джинсов, пальто, курток, шуб постоянно вываливались бумажные надушенные блоттеры разной формы, с многочисленными виньетками разнообразных брендов. На обучающих курсах консультантам дарили тестеры – флаконы духов без коробки, чаще с лазерной надписью или стикером Not for sale, которые те ввиду небольших зарплат продавали на Авито таким же маньякам, как Ася. Круг замыкался. За годы своего хобби в записной книжке Асиного телефона собрались Махмуды, Тагиры, Давиды, Асхеды – оптовики, у которых тоже можно было выкупить флакончик-другой.

Поначалу, утонув в собственных желаниях, изучая бренды, направления, течения, тематики, Ася участвовала в «распивах» и покупала «отливанты» – маленькие флакончики со спреем (атомайзеры, или в простонародье «фуфырики»), в которые предприимчивые девы перепшикивали или переливали духи из родного флакона, вытягивая жидкость шприцем. Позже она уже сама стала разливать парфюмы по пять или десять миллилитров, пытаясь вернуть часть денег от явно дорогого увлечения. Первое время духи многоярусно ютились на прибитой полке в темном углу коридора. Когда количество флаконов перевалило за тридцать, коллекция начала кормить саму себя: нарядные пузырьки менялись, продавались, покупались и потихоньку прирастали. В голове Аси появилась четкая система «вау-хотелок» и «фу-глупостей». В комнату был куплен шкаф, и вся стеклянная братия, натертая до блеска, расставилась по полкам, как новобранцы под матюги красномордого прапора.

Со временем в тематических группах на Фейсбуке к Асе пришла слава великого аутентификатора. Она разбиралась в тонкостях шрифта, особенностях внешних и внутренних изгибов флаконов, вогнутостях и выпуклостях табличек и многой другой ерунде, которую не могли уловить обыватели, но отлично знали бывалые парфманьяки. Фейкоторговцы, как тараканы, постепенно привыкающие к отраве, шлифовали свое мастерство подделки и занимали на этом рынке активную и вполне уютную нишу. Год от года их профессионализм рос, и они умело копировали не только флаконы, но и верхние ноты популярных композиций, так что порой догадаться о подделке можно было, только прослушав аромат в раскрытии в течение получаса и более. Ася не попалась на фейк ни разу. У нее была чуйка. Чуйка на оригинал. И не только в духах.

Глава 8

Впервые эту чуйку увидела в ней руководитель новостей в местной телекомпании «События Н-ска». Анна Федоровна Соколовская только перешагнула сорокалетний рубеж и вела ежевечерние новости в эфире Н-ска, когда Ася еще ходила в детский садик. Она была вполне свежа, но внутри уже громко тикали часы, делая ее, в принципе неплохую бабу, нервной и стервозной. Как-то, психанув в своем мужском коллективе (который самолично и создала, трепетно отбирая каждую особь), она сказала, что наберет новых корреспондентов с улицы и заткнет всем их поганые рты. И оказалась права. Вместе с тучей людей с улицы пришла окончившая университет и болтавшаяся целое лето без дела Ася. Съездив стажером на несколько съемок, Ася отписала тексты, и, читая их, Соколовская поняла, что в лице этой милой ушастенькой девочки на Н-ское телевидение пришла другая эпоха. Асин язык был лаконичным, образным, пульсирующим, как аорта младенца. Анна Федоровна для порядка поправила несколько слов и протянула Асе исписанный лист:

– Молодец!

Ася засияла, не подозревая, что та же Соколовская построит несложную интригу и выпрет ее уже через год. Но пока она с головой нырнула в профессию, которая стала ее крылатой силой на долгие лета.

Первым потрясением стал собственный голос, записанный в студии. Несмотря на то что Ася читала патетические стихи на весь школьный зал в День победы и на двадцать третье февраля, ее голосок в записи оказался прижатым двумя прищепками к бельевым веревкам.

– Надо добавить низов, – сказал старый оператор Иван Петрович, единственный окончивший профильный вуз – ВГИК.

От причастности к людям, стоявшим на ступеньках ВГИКа, внутренний Асин гордячок распухал и хорохорился.

Вторым прорывом в осознании себя оказался новенький пейджер, выданный всем корреспондентам новостей для быстрого реагирования. Пейджера не было еще ни у кого из Асиных друзей и знакомых, поэтому она специально заправляла майку в штаны, чтобы на поясе был виден этот вибрирующий и пищащий экранчик. Абонент 5502. Это было равносильно агенту 007 местного разлива. Когда на очередном праздновании очередного дня рождения Ася танцевала медляк с корреспондентом Сеней Лисовским, в области ниже пупка она ощутила настойчивое движение.

– Это не я. – Скромный Лисовский забегал глазами. – Точнее, я бы тоже не против, но это он, подлец. – На его животе бестактно вибрировала черная коробочка.

Как-то летом Соколовская допустила роковую ошибку, уйдя в двухмесячный отпуск. Программу вели парни, но когда на море уехал последний из них, в эфир посадили Асю. Она была уже заметным корреспондентом, бойким и неугомонным, в голосе присутствовали нужные низы, а потому инъекция эфира была оправданна. Много лет спустя, глядя на VHS-ные записи[9] себя самой на Н-ском телеканале, Ася давилась со смеху. На экране сидела очаровательная кукла, у которой двигался только рот. Все остальные части лица застыли в бесконечном ужасе, руки неестественно лежали на столе параллельно друг другу, ладонями в одну сторону, пиджак жил своей жизнью, совершенно отдельно от тела.

– Пиджачок нужно сменить, – посмотрев первые эфиры, сказала Алина Ланина, рекламный продюсер телекомпании.

Алина была дамой божественной ухоженности с безупречным строгим каре и безупречно сидящими брючными костюмами. О том, что это заслуга дизайнеров Сен Лорана, Ася тогда

[9] *VHS-ные записи* – записи на кассете формата VHS.

даже не догадывалась. Алина пригласила Асю в свою машину, и водитель отвез их в небольшой частный магазинчик, хозяйка которого расплачивалась с телекомпаний бартером – шмотками за рекламу. Поскольку в брендовых вещах в студии никто замечен не был, а реклама крутилась в самый прайм-тайм, все искоса поглядывали на Ланину, совершенствующую свой имидж день ото дня.

– Подбери что-нибудь девочке, – сказала Алина хозяйке и села в дизайнерское кресло, закуривая.

Спустя два часа Ася, как в зарубежных фильмах о золушках, вышла с кучей вещей, среди которых к эфиру были пригодны лишь один пиджак и пара шелковых блузок без рукавов.

– Мне все это нужно куда-то сдать? – робко спросила Ася.

– Оставь себе, оденься по-человечески, – покровительственно ответила Алина.

На следующий день они поехали к личному косметологу Ланиной, которая пыточно выщипала Асины брови в струнку и наложила макияж из палетки, количество цветов которой повергло Асю в шок. Ничего богаче двухцветных теней «Елена» в Асиной тряпочной косметичке не было.

В следующий эфир Ася села преображенной. В ней появилась какая-то богемность московских телеведущих, что сразу отметил замгубернатора Н-ской области Сергей Жуков. После заседания экономического комитета, на который Ася приехала как корреспондент (после двух-трех сюжетов в день, сделанных для новостей, садиться в эфир ведущей было устоявшейся региональной практикой), он прижал к груди ее руку и шепнул: «Мое сердце бьется чаще из-за тебя».

Соколовская осознала, что поступила опрометчиво, в первое же рабочее утро после отпуска. Она отсмотрела несколько Асиных эфиров и пригорюнилась. Чьих это рук дело, Анна Федоровна поняла сразу: с Алиной Ланиной у них были крайне натянутые отношения. И выбить себе эфирный пиджак за счет рекламного бартера Соколовская не могла уже больше года. Ася оказалась лишь пешкой, Анна Федоровна не хотела ее терять, но от соперницы нужно было избавляться.

– Что за убожество! – прокомментировал эфирную картинку ее любовник, главный режиссер Юрий Палыч. На общей летучке раз в неделю он делал разбор полетов. – Я спрашиваю, что за убожество! Кому пришло в голову посадить этого совершенно не киногеничного человека в студию? Что за пиджак, позвольте спросить! Главный оператор, вы совсем ослепли, что у вас в кадре?

Народ сидел погасший, но никто не сказал ни слова. Процедура травли была частой и отработанной.

– Держись. – После летучки к ничего не понимающей Асе подходили друзья-коллеги и прощались, как перед расстрелом.

– Ты понимаешь, что ты – ничтожество, ты выгорела, исписалась. – Главреж Юрий Палыч прижал ее в углу коридора и обдал запахом пота, парами алкоголя и богардовского One man show[10].

Ася не понимала. Ей казалось, что она только занесла ногу перед прыжком, что у нее хватит сил свернуть горы.

– Вы меня еще увидите. – Она сжалась, пытаясь остановить слезы.

– Где? – глумясь, засмеялся главреж, сверкая круглыми очками.

– На первой кнопке, – брякнула Ася, даже не подозревая, насколько провидческой окажется эта фраза.

---

[10] *Богардовский One man show* – шипровый мужской аромат от Jacques Bogart 1980 года выпуска.

Глава 9

Главный редактор конкурирующей телекомпании Артур Арганов беззастенчиво рассматривал Асю сверху вниз и обратно:

– Знаешь, мне кажется, тебе нужно вести что-то очень женское, – произнес он со сладостью в голосе.

– Почему вы так решили?

– По форме твоего бедра. Я видел, как ты играла в бильярд.

Общегородские тусовки журналистов всех трех телекомпаний Н-ска были популярны, и Ася их часто посещала. По бартеру телевизионщиков принимали боулинг-центры и бильярдные залы. Ася вспомнила, как готовилась к той вечеринке. Самыми дорогими в ее наряде были колготки – она купила их у какого-то барыги за четверть зарплаты. Черная сетка с крупными цветами по бокам. На вещевом рынке было подобрано лаконичное черное А-образное платье выше колена и найден синтетический розовый шарф, небрежно намотанный на шею. Туфли Ася взяла у мамы – румынские, черные с металлическими ромбами и застежкой на лодыжке а-ля Валентино. Она играла в бильярд, как водится, сразу нашлись учителя мужского пола, которые, стоя сзади, руководили каждым движением. Арганов курил в толпе поодаль, и, закончив игру, Ася встретилась с его хищным взглядом.

От женской программы она отказалась. Предложила свой документальный проект по экономике и промышленности, дышащей на ладан. Два года моталась по городам и селам губернии, буровым и заводам, получила «Тэфи-регион»[11] и загрустила. Небо Н-ска уже давило ей на макушку, и Ася решила махнуть в Москву. Арганов, к удивлению, отпустил ее с миром, подарил гигантский букет бордовых бархатных роз, чмокнул в нос и сказал: «Почему-то я за тебя не волнуюсь».

Билет на поезд в один конец, датированный 26 мая 2000 года, Ася сохранила на всю жизнь. Поселилась сначала у знакомых, заняв одну комнатку из трех, спустя время сняла квартирку рядом с Яузой в Медведково. Дорога до телецентра на трамвае занимала около сорока минут. Конечная была у Останкинского пруда, дальше нужно было пять минут идти пешком. Еще в Н-ске Ася отправила свои резюме на несколько федеральных каналов, договорилась о встречах и теперь ехала на первую из них. Выйдя из трамвая, мучаясь от боли в животе (привычной при волнении), она вдруг уперлась в огромную афишу на круглой железной тумбе: «**Ярослав Кречет и Московский симфонический оркестр. Карл Орф. Кармина Бурана».** Асе показалось, что она проглотила шерстяной носок. Горло стало сухим и колючим. На столбе красовался Славочка, пафосный, возмужавший, с каштановыми волосами до плеч, во фраке и бабочке. На заднем плане металось пламя, как когда-то на постере полуголого Жигунова.

– Кречет? – почти крикнула она. – С какого перепугу?

Славочка просто взял ее фамилию «Кречетова» и отбросил все лишнее. Ася почувствовала, что ее цинично изнасиловали, но при этом она как-то ухитрилась получить удовольствие.

– Ну ты, Клюев, даешь, мамочкин сыночка, ты даешь… – Она споткнулась и упала, разодрав на коленке черные колготки. Славочка непостижимым образом продолжал вплетаться в ее судьбу, наполняя солоновато-сладостной слюной самое чувственное место под языком. Она ощущала, как по-прежнему держит ритм в его жизни, и осознание этого почему-то делало ее счастливой.

---

[11] «Тэфи-регион» – всероссийский телевизионный конкурс для региональных журналистов.

Глава 10

Славочка выходил с однокурсниками из дверей Гнесинки поздним вечером. На перекрестке Поварской и Малого Ржевского переулка наткнулся на Филизуга, давно замерзшего в ожидании. Воротник серого короткого пальто был поднят, малиновые уши просвечивались насквозь чугунным фонарем у подъезда дома Шуваловой. Он сильно сдал, поседел, похудел, ручейки морщин на его лице превратились в реки. Москва его, потомственного москвича, как-то совсем растворила. Богемность и выпуклость, которой так восхищался Славочка в Н-ске, сошла на нет, он был жалок и даже убог.

– Фил, ну я же просил, не надо ждать меня здесь.

– Славик, я очень устал, я ложусь в больницу. – Филизуг дрожал от холода.

– Боже, а как я устал от этих манипуляций. Хорошо, ложись, только позвони мне и сообщи, где ты.

Славочка стеснялся Филизуга. Его ждали друзья, которых он неимоверными усилиями завоевывал почти три года. Ему было стыдно перед самим собой, ведь это Филизуг через свои прежние связи договорился о прослушивании в Гнесинке, Филизуг привез их с мамой в Москву, разместил в своей маленькой комнатушке в коммунальной квартире в Староконюшенном переулке. Эту коммуналку должны были вот-вот расселить, дав жильцам по двухкомнатной квартире где-то в Крылатском, но процесс затягивался. Первые полгода они жили странной семьей, спали на диване вдвоем с мамой, а Филизуг ютился на раскладушке. Вечерами репетировали, пока редкие оставшиеся соседи не стучали кулаками в стену. Дарья Сергеевна в это время готовила на общей кухне ужин из продуктов, которые добывала неимоверными усилиями. Денег ни у кого не было. Нервы звенели струной «ми» второй октавы, и каждый играл на ней свою партию.

Дарья Сергеевна уехала из Н-ска через месяц после того, как Филизуг увез Славочку в Москву. Жизнь ее стала пустой, к тому же Славочка схватил ангину, загибался от столовской еды и нечеловеческой нагрузки – его взяли сразу на второй год обучения, но программа была очень сложной. Курс, на который он попал, невзлюбил провинциального гения. И прежде всего из-за Филизуга. О нем в Гнесинке ходили гадкие слухи. Об этом Славочка узнал в туалете после первой недели обучения. Два альтиста стояли в очереди в кабинку, и когда Славочка просачивался между ними на выход, пропели: «Филь-кин маль-чик-с-паль-чик!»

Дарья Сергеевна тоже почувствовала неладное. Недели через три после того, как Славочка с Филизугом сели в поезд, она встретилась возле подъезда с учительницей из музыкальной школы и гордо сообщила ей, что сын принят в Гнесинское училище и отбыл с педагогом в Москву.

– Он у вас умница, – подтвердила учительница. – Вот только где будет работать Филипп Андреевич?

– Будет преподавать, как и прежде.

– В Гнесинке? Не-ет. Туда ему путь заказан, ему чуть статью не пришили, за мужеложство.

Дарья Сергеевна не знала такого слова, но ночью заснуть не могла. Она соединила в голове все соты в один улей, и руки ее стали ледяными от ужаса. На следующий день состоялся разговор с Катюшей, мужем и его сестрой, живущей в соседнем доме. Было решено, что Катюша переедет жить к тете и будет заканчивать старшую школу под ее надзором, муж закодируется и бросит пить, а она поедет помогать Славочке в Москву. Вскоре на Казанском вокзале в 5.38 утра ее с двумя чемоданами встречал Филипп Андреевич – Славочка лежал с температурой.

– Зачем вам два чемодана, мама? – спросил сонный Филизуг.

– Кастрюли, крупа, мед, варенье. – Она перечисляла это и смотрела Филу между глаз, будто вбивала туда длинные гвозди.

– Крупа-а-а, – простонал Филизуг и прогнулся под тяжестью неподъемной ноши. – Носи-и-ильщик!

– Какой носильщик, деньги на ветер пускать. – Она вырвала один чемодан из его рук и энергично пошла по перрону. Филипп Андреевич торопливо семенил сзади.

Они зажили втроем в одной комнате, вместе ужинали, занимали очередь в туалет сразу на троих. Беспощадно ругались с алкашами-соседями, защищая друг друга, и безжалостно же друг друга уничтожали, когда соседям было не до них.

– Мама, зачем вы опять положили в суп эту крупу, в ней же мухи! – Филизуг и рад был бы поесть в столовой или кафе, но Дарья Сергеевна заведовала деньгами, отбирая стипендию у сына и зарплату у Филиппа Андреевича (тот устроился ночным сторожем – не мог заснуть на своей раскладушке под храп Дарьи Сергеевны).

– Не мухи, а жучки. Попался один – велика драма! Жри и не высовывайся.

– Что значит – «жри»? – заводился Филизуг. – Я не животное. Это моя квартира, мама, и вас сюда никто не звал!

– Ты – не животное? А кто ты?

– Я – музыкант!

– Был бы ты музыкантом, Филипп, тебя бы не выгнали из Гнесинки, и в этом гадюшнике ты бы не жил! Козел похотливый.

– Мама, прекрати! – У Славочки на нервной почве задергался глаз, и он, пытаясь зажать его рукой, задел ложку и опрокинул на колени суп. – Хватит!

– Вы видите, до чего довели сына? – орал Филизуг, пока Славочка, воя, бежал в туалет застирывать брюки.

– Я его довела? – Дарья Сергеевна уже бежала вслед за Славочкой. – До чего ты бы его довел, если б я не приехала!

– Да заткнитесь уже все! – Дорогу Дарье Сергеевне преградил низенький, сложенный будто бы поперек, Игоряня. Он круглые сутки работал на стройке и пытался отоспаться в единственный выходной. – Сейчас нос сломаю уродам.

Игоряня занес огромный кулак над Дарьей Сергеевной, Филизуг подскочил на помощь, удар пришелся ему по плечу.

– Не трогай музыканта! – визжала Дарья Сергеевна, вцепившись в майку Игоряни.

Славочка тихо плакал, сидя на унитазе. Ему никогда так не хотелось совершить самоубийство, как в эти моменты.

Однажды Филизуг пришел поздно вечером, Дарья Сергеевна со Славочкой уже поужинали. Он был с букетом роз и красивым пакетом в руке.

– Ишь ты, пижон! – прошипела Дарья Сергеевна. – Все остыло уже на столе, сам разогревать будешь!

– Ты че, Фил, с банкета? – спросил Славочка.

– Уважаемая Дарья Сергеевна! Дорогая наша мама! – пафосно произнес Филизуг.

Все застыли, ожидая подвоха.

– Поздравляю вас с днем рождения! Будьте счастливы!

Славочка онемел. У Дарьи Сергеевны навернулись слезы. Она встала, подошла к Филизугу, они неловко обнялись, исколовшись шипами.

– Зачем же денег столько угрохал на цветы-то! – только и смогла произнести Дарья Сергеевна. – Можно ж было мяса купить…

– Не волнуйтесь, я их украл. И это тоже вам. – Филизуг достал из пакета бутылку красного, засунул ее под мышку, а пакет протянул Дарье Сергеевне.

Она открыла, развернула темно-зеленое платье из дорогой плотной ткани.

– Да зачем же ты потратился, дурачок, оно ж мне все равно не полезет.

– Полезет, – отрезал Филизуг. – Переоденьтесь, а старое выбросьте, видеть его больше не могу.

За полгода Дарья Сергеевна не сменила ни одного наряда. В двух чемоданах, которые она привезла с собой, из личных вещей были только трое трусов, лифчик и толстая вязаная кофта темно-бордового цвета. Она зашла за занавеску, долго возилась, а потом крикнула:

– Сыночка, помоги застегнуть!

Славочка подошел, долго пыхтел.

– Я ж говорила, что мало.

Филизуг не выдержал, отодвинул Славочку и сам аккуратно застегнул «молнию» на вспотевшей спине Дарьи Сергеевны. Мужчины отошли. Дарья Сергеевна неуверенно вышла из-за занавески. Платье было ей впору, подчеркивало и высокую грудь, и тонкую талию, и крутые бедра. Тапочки она сняла, осталась босиком, стыдливо улыбалась, одергивая юбку.

– Неплохо, – оценил Филизуг.

– Ма, ты такая красивая, – смущенно сказал Славочка, упрекая себя, что не вспомнил о дне рождения матери.

– Я еще бусы надену.

– Ни в коем случае, только платок, дорогой шейный платок. Подарю на Новый год. – Филизуг посмотрел на Славочку, и они кинулись целовать обмякшую Дарью Сергеевну.

Сели за стол на общей кухне, Фил принес из комнаты чешские фужеры – подарок поклонниц, разлил вино.

– Зачем же ты такое дорогое купил, сказал бы мне, я б свое… э-э-э… спиртное принесла. – Дарья Сергеевна, обычно властная, заискивающе суетилась.

– Ну уж нет, ваше пойло пусть лакают алкаши. – Филизуг был явным хозяином положения. К нему вернулась былая стать, лоск, элегантность. Славочка опять смотрел на него с восхищением, они переглянулись, вспыхнула искра.

Дарья Сергеевна не обиделась, только заметила:

– Ну так дай бог им здоровья, моим алкашам, на их деньги и живем!

Оба засмеялись, Славочка был в недоумении, но рассмеялся тоже.

Дарья Сергеевна умудрилась без прописки устроиться в продуктовый магазин продавщицей. Но денег не хватало, и она научилась приторговывать спиртным в розлив. Учителем и сподвижником стал чернявый дворник Шадгиз. В его подсобке на электроплитке работал самогонный аппарат из молочной фляги, трубок, склянок и алюминиевого ведра. В огромных бутылях бурого стекла бродило сусло на слипшихся фруктовых ирисках, которые Дарья Сергеевна приносила из магазина как просроченный товар. Раздутые медицинские перчатки, словно руки утопленников, жутковато приветствовали хозяев, брага слюнявилась пузырями, пришептывала, бубнила и обидчиво вздыхала. Очищенный дистиллят дворник разливал в пустые винные бутылки и вручал Дарье Сергеевне для реализации. Он же и поставил ее «на точку» – в удобное местечко во дворах между Староконюшенным и Калошиным переулками.

– Здесь будешь стоять, никто не тронет, а тронет, меня позовешь, – сказал Шадгиз.

Дарья Сергеевна исполняла эту роль впервые. К подкладке пальто крепко пришила суровыми нитками два внутренних кармана для бутылок. Прорепетировала перед зеркалом выражение лица – независимо-непробиваемое. В первый день никто не подходил, хотя болтающиеся туда-сюда синяки оглядывали ее и шептались. На второй день один из них решился.

– Почем бормотуха?

– Тысяча стакан, как батон белого. – Дарья Сергеевна робела.

– Наливай. – Бомж грязными руками с желтыми ногтями вытащил помятую купюру и протянул липкий граненый стакан.

С тех пор тропа к Дарье Сергеевне не зарастала. Она стояла полтора часа вечером после работы и час утром – синяки тянулись опохмелиться.

Правда, Шадгиз обманул: на третий день возле нее возникла пара – мужик в куртке из темной плащевки, от которой пахло краской, и баба с пропитым лицом, но цепкими глазами.

– Кто разрешил, сучка? – Мужик схватил Дарью Сергеевну за лацкан пальто, подтянув к себе.

– Шадгиз, – выдавила она пересохшим горлом.

– Кто-о-о? – Мужик врезал Дарье Сергеевне по лицу, она отшатнулась, но он поймал ее за воротник. Пальто расстегнулось, обнажило бутылку во внутреннем кармане. Мужик выхватил ее и замахнулся снова. Дарья Сергеевна закрыла руками голову.

– Оставь ее, – вступилась баба. – Интеллигентная она, вишь?

– Чтоб тебя здесь не было, шмара. – Мужик засунул бутылку себе за пазуху, и они отправились вниз по улице.

Дарья Сергеевна с горящим лицом кинулась домой. Пожаловалась Шадгизу, он неспешно чинил деревянный забор перед газоном.

– Будешь платить мне больше, придется еще ему отстегивать. Это Андрюха, пасущий на районе, он теперь не отвяжется.

К вечеру у Дарьи Сергеевны от глаза вниз по лицу разлился кроваво-красный синяк. Славочке и Филизугу сказала, что ударилась об угол холодильника в магазине. Но спустя месяц Филипп Андреевич случайно наткнулся на Дарью Сергеевну «за работой». Она ловким движением наливала алкашу первачок, ссыпая горсть мелочи в карман. Филизуг хотел пройти мимо, но решил, что это будет слишком благородно, и подошел вплотную.

– Что же вы, мама, бухлишком торгуете?

– Да ладно, Филипп, а жрешь ты на что? Херувим нашелся. Только Славочке не говори, будь человеком.

Подходя к дому, Филизуг, усмехнулся: дал бог тещу!

Остаток мерло дрожал на дне бутылки, хлипкий стол трясся в такт взрывов смеха. Все трое были возбуждены и благосклонны друг к другу.

– А теперь, друзья мои, приговор, – поднимая последний бокал, серьезно сказал Филизуг. – Я договорился с ректором Гнесинки. Слава переезжает в общежитие на Хорошевке. Дарья Сергеевна едет домой в Н-ск, а я остаюсь один. Потому что в этом сумасшедшем доме я больше жить не могу. Точка.

Дарья Сергеевна опустила фужер, не пригубив.

– То есть как домой? Как это в общежитие? А где он будет есть? Где он будет репетировать?

– Там же, где и все другие студенты, мама. Славочка – большой мальчик. Он справится.

Глубокой ночью Дарья Сергеевна ушла спать, поджав губы. Славочка и Филизуг курили на лестничной площадке.

– У тебя кто-то есть? – спросил Славочка.

– Есть. – Филизуг помедлил. – У меня есть бессонница, есть нервный срыв, есть тремор, есть панические атаки, есть пиелонефрит в стадии обострения. Я в таком бредовом сне, Слава, не жил никогда. У меня есть безвольный сынуля и есть тоталитарная теща. И я сплю с ними в одной комнате, буквально в одной кровати, ем из одной миски, как солдат на передовой, отдаю честь и получаю, в свою очередь, по морде лопатой.

– Но ведь ты сам привез нас сюда, Фил.

– Я привез сюда тебя одного, Слава, я не знал, что прицепом приедет твоя мать. – Филизуга трясло. – Я привез тебя в надежде, что мы перекантуемся год-другой в этой чертовой коммуналке, а потом будем жить в Крылатском. Я был уже в этой квартире, понимаешь? Там окна на восход, там простор с пятнадцатого этажа до горизонта. Ты думаешь, я не вылечил бы тебя от ангины? Зачем она приехала?

– Фил…

– И вот что. Я договорился, в конце года ты примешь участие в прослушивании, на которое съезжаются представители оркестров и импресарио из разных стран. Это дает возможность играть с лучшими симфоническими коллективами здесь и в Европе. Ты должен покорить их. Ты покоришь, говнюк. Только это… надо взять псевдоним. Твоя фамилия – Клю-клю-клюев – безвольная, тряпочная какая-то. Придумай что-то короткое, дерзкое, как удар, как вспышка. Понял?

– Понял.

Глава 11

В общежитии Славочку подселили к двум струнникам – Костику и Антону. Антон, длинный и апатичный парень, был дальним родственником ректора, и на отделение скрипки его взяли с большой натяжкой, отодвинув пару крепких музыкантов из регионов. Костик – маленький, жилистый, белобрысый, с крупными руками, виолончелист из Самары. Он прошел по конкурсу сам, но из-за пристрастия к алкоголю второй год был под угрозой отчисления. Оба парня, абсолютно неконфликтные и беззлобные, приняли Славочку дружелюбно. Спустя месяц, ночью, перед сном, он вдруг остро ощутил пьянящую свободу. Никто не рвал его на куски – ни мама, ни Филизуг. Никому не было дела, где он поел, куда пошел, с кем встретился, о чем говорил. Он спал один в кровати, рядом мелодично похрапывал Костик, Антон постанывал ему в унисон, за окном шум Хорошевского шоссе сливался с шелестом почти опавших, покрытых мокрым снегом деревьев – ничего более гармоничного и умиротворяющего, казалось, в этом мире и быть не могло. Славочка засыпал счастливым. Он уже полюбил молчаливого Антона и незамолкающего Костика, который рад был свежим ушам и бесконечной тихой пластинкой рассказывал истории из своей жизни.

– Машка, она, знаешь, такая рыжая фурия, прямо вот сердце, как яйца, мне сжала, – делился Костик, умываясь за соседней раковиной.

– Котофая фена фрофессофа? – Славочка чистил зубы, не особо вслушиваясь.

– Жена профессора? Кто это? А-а-а! Нет, то была жена проректора, у нас с ней все кончилось. Машка – она такая бизнесвумен, такая стервочка, знаешь, глазищи такие зеленые, ведьминские, хватка такая железная, ух, я бы ее!

– Где ты ее подцепил? – Славочка намылил пену и начал водить по лицу многоразовым станком с бритвой «Нева», подпирая языком щеку.

– На благотворительном вечере для ветеранов. – Костик тоже приступил к бритью.

– Так она Сталинград защищала?

– Да не защищала она Сталинград. Она сетью ларьков владеет. Я выбежал перед концертом водочки пропустить в ларек, и тут она, Слав, такая паркует голубой «БМВ», выходит, такая рыжая. Пальто длинное до пят, Слав, от Валентино, ноги от коренного зуба, высоченная, на каблучищах, и мимо меня к окошку, выручку забирать.

Славочка положил станок на раковину, взглянул на бреющегося Костика. В треснутом неровной паутиной зеркале отражалась лишь его макушка. Чтобы выбрить подбородок, он старательно поднимался на носочки.

– Она тебя заметила?

– Нет, конечно, я сам к ней подошел. Говорю: любите ли вы «Времена года» Вивальди? Она такая: да. Говорю, так пройдемте, я лично для вас и сыграю. Она такая: пройдем. И села с бабулями в первый ряд. И я играю, а она плачет, из зеленого глаза ручей прям течет, Слав, клянусь. Потом банкет был для ветеранов, мы с ней сели за общий стол в уголок и давай за победу выпивать, за родину, Слав. Она говорит: Костик, ты – гений, переезжай ко мне, будешь мне Вивальди по ночам играть.

– Так что же ты не переехал?

– Я заснул, Слав. А проснулся – ни банкета, ни рыжей, ни хера. Лежу на земле, рядом инструмент. Шандец, думаю, разбил деку. Расчехлил – слава богу, цела моя красавица!

В середине декабря 1999 года Костик принес в общагу кота.

Дежурил вечерами у ларька в надежде снова встретить Машку, стучал в окошко, покупал двести грамм водки, выпивал, ждал снова.

– А она вообще здесь бывает, Аня? – Костик просунул в окошко красную морду.

– Да не знаю, вроде на Канары укатила. – Толстуха Аня сидела в двух пальто и перчатках с обрезанными пальцами. – А чем я тебе не хороша?

– А ты Гегеля от Бебеля не отличаешь, о чем с тобой говорить?

– А зачем со мной говорить? Со мной и помолчать можно. Я и закрываюсь через пять минут уже, у меня и пельмени дома.

От слова «пельмени» у Костика заурчал живот, он замерз и был уже в том состоянии, когда разница между Машей, Аней, Гегелем и Бебелем была не принципиальна. Они долго ехали с Аней к ней домой, сначала на метро, затем на автобусе. Потом ели горячие пельмени, запивали водкой, долго целовались, кувыркались в постели. Аня была большой, мягкой, как подушка, с белыми ресницами, жемчужными зубами и серыми глазами. В какой-то момент он, стоя голым на кровати, пропел ей сарабанду Баха ре минор для виолончели, назвал ее Машей, получил с размаху по морде и был выставлен за дверь почти голым. Аня с рыданьями вышвыривала его одежду, порциями, с интервалом в пять минут. Он долго колотился в ее дверь, пока почти под утро она не открыла в остервенении:

– Чего тебе, урод?

– Где я нахожусь?

– Черемушки, – гаркнула Аня, хлопнув дверью перед его носом.

Костик вышел во двор. Мороз сковывал лицо и руки. Он сел на лавочку, закурил. Хотел прилечь и умереть, но заметил на краю лавки маленький шерстяной комок. Взял в руки. Это был замерзший полуторамесячный котенок. Почти мертвый. Белый с черными пятнами. Костик растер его тельце, надышал ему в нос горячим воздухом с перегаром. Затолкал за футболку, к голому телу, утянул куртку и отправился искать остановку автобуса. Пока доехал до метро «Новые Черемушки», пустили первые поезда. Долго трясся в вагоне, засыпая и просыпаясь, несколько раз проезжая мимо «Китай-города», где нужно было пересаживаться, возвращался снова. На финишной прямой почувствовал, как возле сердца что-то зашевелилось. Вытащил оттаявшего котенка, расцеловал его в нос. В общагу прибыл к подъему. Зашел измученный, достал кота.

– Это Варфоломей. Он будет жить у нас. Ему – молока, мне – рассолу.

Антон уложил Костика в постель, Славочка пошел в коридор к холодильнику, взял банку из-под соленых огурцов и соседское молоко.

– Этому уже ничего не надо, – сказал Антон, махнув на кровать. – Он спит.

Славочка долго искал, во что бы налить молоко, Антон подцепил последний кусок ставриды из консервной банки и кивком головы дал понять, что сейчас помоет и принесет обратно.

Варфоломей пил, захлебываясь и чихая. Он был грязный, тощий, с черными подтеками из носа и глаз.

– Все равно его выкинут, кто-нибудь да настучит, – сказал Антон.

– Нужно найти лоток и газеты. – Славочка смотрел на тельце, надувающееся от молока, как рыба-еж.

К вечеру Костик протрезвел, искупал кота под краном в туалете, намыливая глаза и нос, завернул в свое полотенце. Варфоломей урчал с подвыванием, норовя ткнуться головой в подбородок Костика. Славочка купил ему мороженую кильку, Антон раздобыл лоток. Варфоломей сразу продемонстрировал железную дисциплину, пописав в лоток, съев сваренную рыбу и улегшись спать в чехол из-под Костиковой виолончели.

– Умный парень, – усмехнулся Антон. – Может, продержится.

Ночью Варфоломей подошел к Костиковой кровати и деликатно мяукнул. Костик загреб его рукой с пола и сунул себе под мышку. Так они и проспали два оставшихся года.

Кот оказался крайне музыкальным. Когда Антон мусолил на скрипке одну и ту же фразу, повторяя ее из раза в раз, Варфоломей, спящий на Костиковой постели, отводил назад ухо и издавал низкий матерный звук «маво-о-о» с ударением на последний слог. Костика он слушал благоговейно, с широко раскрытыми глазами, сидя на полу, и поворотом головы следил за смычком виолончели вправо и влево. Славочкины трели начинал вкушать с кровати, а потом бросался к его ногам и истово терся, оставляя на брюках клоки белой шерсти. Вскоре слава Варфоломея как музыкального критика облетела всю общагу, и кота начали носить на прослушивание желающим. Такса была установлена жесткая – килограмм мороженой кильки. В результате такого бизнеса стремительно вырос и набрал вес не только Варфоломей, но и Костик. Всякий раз, возвращаясь после ночных приключений, он съедал вареную кильку из маленькой кастрюльки в холодильнике, за что получал от Славочки или Антона крепкий подзатыльник, потому что кот оставался без завтрака. Варфоломей уже свободно фланировал по коридорам общаги, был обласкан, а его фирменное «маво-о-о» стало нарицательным.

– Ну как Игорь сыграл на экзамене?
– Да ужас! Сплошное маво-о-о.

Глава 12

Дарья Сергеевна вернулась в Н-ск в воскресенье и с вокзала заехала к сестре мужа. Однако выяснилось, что Катюша к тете даже не переезжала, осталась с отцом в родной квартире. Дарья Сергеевна, медля, открыла ключом замок своей двери и встала на пороге. Из кухни пахло грибным супом и гренками, пол был перекрашен свежей краской, на стенах – новые обои с пальмовыми листьями. Из комнаты торпедой, заливаясь и виляя хвостом, вылетела болонка, вышли недоуменные Катюша и муж. Дарья Сергеевна не давала телеграммы, а домашнего телефона у них не было.

– Мама? Все в порядке? – Катюша с Юрием, казалось, были разочарованы. – Как Славочка? Что с ним?

– Да все хорошо, я просто соскучилась по всем вам…

Они обнялись, Дарья Сергеевна отметила, что от мужа не пахнет перегаром, он выглядит упитанным и посвежевшим. Сели обедать, Катюша восхищалась маминым изумрудным платьем, не замолкая рассказывала, как они с папой делали ремонт, как папа устроился слесарем в ЖСК, как они купили почти новый диван у соседей, как она выходит отличницей в полугодии, как Сеня, болонка, перенесла отит, как папу приглашают на частные вызовы и платят вдвое больше, чем на работе. Дарья Сергеевна не ожидала такого всплеска жизни и позитива в ее отсутствие. Растерялась, ела Катюшин суп, отмечая, что он гораздо вкуснее того, чем питались они в Москве. Потом переоделась в домашнее, села на новый диван, затосковала.

– Катюш, может, махнем к Славочке на каникулы?

– К Славочке? А можно? – Катюша по-детски запрыгала, подбросила вверх плюшевого зайца, поцеловала отца и бросилась обнимать Дарью Сергеевну.

– Так и я бы к сыну съездил, – неуверенно ввернул муж.

– Точно, поехали все вместе! – Катюша разрумянилась от радости и возбуждения.

– Да, Юр, где мы там вместе жить-то будем? Да и с работой у тебя все наладилось, оставайся, успеем еще вместе-то.

Муж махнул рукой и пошел на кухню обвисшей походкой: приехала, твою мать…

За неделю до Нового года Славочка встретил недалеко от Гнесинки Филизуга. Они не виделись почти месяц, и Славочка нашел Филиппа Андреевича веселым, но похудевшим. К своему удивлению, он вообще забыл о существовании учителя, настолько всецело захватили его бытие в общаге и студенческая жизнь в целом.

– Пойдем, у меня два билета на потрясающую израильскую труппу, – скомандовал Филизуг. – Танцы, мой мальчик, танцы, которых ты еще в своей куцей жизни не видел.

Славочка выдохнул. Он мечтал свалиться на кровать, положить на живот теплого Варфоломея, пока Костик совершал ночные подвиги, и заснуть пораньше. Но Филипп Андреевич энергично взял его под локоть.

– Я расписал программу на три месяца вперед, у нас с тобой море концертов, встреч, спектаклей и незабываемых ночей, мой друг.

– Фил, я валюсь с ног. Через неделю годовой концерт, прослушивания, выступления, и вообще я хочу тридцатого декабря вырваться в Н-ск.

– Мальчик мой, забудь об Н-ске, ты приехал покорять мир, а не мотать сопли на кулак.

Они сидели в душном переполненном зале. Под неритмичную музыку открылся занавес, девушка в черном купальнике начала биться в конвульсиях: выламывала руки, шла на полупальцах, вывернув колени, запрокидывала голову так, будто шея была перерезана в области горла и моталась на одном лоскутке кожи, касаясь затылком спины. Славочку передернуло,

он посмотрел на Филизуга, затаившего дыхание. Ученик попытался пристроиться на чехол от скрипки, которая лежала на коленях, и заснуть, но Филипп Андреевич толкнул его в бок:

– Смотри, какая новизна формы, какая пластика!

Славочка сделал усилие, чтобы сосредоточиться. На сцену вышла, точнее, выползла группа женщин и мужчин в обтягивающих купальниках. Так же выламываясь, будто им перебили суставы, показывала что-то похожее на предсмертные конвульсии. Славочка вспомнил репортаж с чеченских полей, когда взрывом снаряда у солдата оторвало обе ноги и руку. Он был еще жив, от шока не понимал, что произошло, и пытался бежать, двигая окровавленными остатками конечностей. На сцене происходило нечто подобное. Но к войне это не имело отношения. Танцовщики изображали любовные однополые страсти, отчаянье, неприятие обществом, крах желаний. Славочка резко закрыл руками рот, понимая, что сейчас его вырвет. Зажмурил глаза. Это была эстетика болезни в самой гнойной ее стадии.

– Фил, пойдем, прошу тебя! – прошептал он, сдерживая подкатывающий изнутри комок. – Тебе придется за мной убирать.

Филизуг, придерживая Славочку под локоть, протискивался по ряду вдоль шикающих зрителей, крайне недовольный.

– А тебе все бы на хороводы в кокошниках смотреть, провинциальная девочка! – отчитывал он бледного Славочку, еле стоявшего на ногах. – Современное искусство нужно уметь понимать.

– Фил, отпусти меня домой.

– Что есть твой дом? Общага? С каких это пор?

– Мне там хорошо. От меня никто ничего не требует.

– Не говори ерунды. – Филизуг поднял руку, частник-бомбила плавно остановился у бордюра. – К лету мне дадут квартиру с видом на горизонт, и мы переедем туда.

Он запихал измученного голодного Славочку в такси и повез в коммуналку на Староконюшенный.

– Покажи мне, как твоя левая рука, не пережимаешь? – Они сидели в комнате на диване после бутербродов с чаем, приготовленных Филизугом на скорую руку.

– Фил, ты реально считаешь, что я, проснувшийся в семь утра, сейчас, в двенадцать ночи, буду тебе играть?

– Хочу еще посмотреть на твое спиккато[12], пробегись по «Полету шмеля» прямо с начала.

Славочка послушно встал, достал скрипку, размялся по децимам[13], прошелся по полутонам хроматической гаммы и взлетел июльским полуденным шмелем так, будто был сытым и отдохнувшим на морском побережье.

– Кто с тобой работает? Ты мне нравишься, – удовлетворенно закивал Филизуг.

– Варфоломей.

– Новый преподаватель?

– Кот. Он дико не любит, когда передавливают звук. Сразу начинает кричать «маво-о-о». – Славочка изобразил Варфоломея, обратно закрывая кофр. – Его Костик спас от смерти, очень хороший педагог оказался. Кстати, сегодня была моя очередь покупать ему кильку. А теперь иди на хер, Фил…

Славочка прислонился к подушке и в секунду уснул. Филизуг долго смотрел на его лицо. Провел рукой по волосам.

– Какой же ты еще ребенок…

---

[12] *Спиккато* – spiccato – музыкальный штрих на струнных смычковых инструментах, который извлекается броском смычка на струну для получения короткого отрывистого звука.

[13] *Децима* – decima – музыкальный интервал шириной в десять ступеней, который превышает объем октавы.

Глава 13

Андрей Нехорошев скучал в своем кабинете начальника корреспондентов утреннего телевещания. Федя, его помощник, навис над электронным шредером, скармливая ему один лист бумаги за другим. Афанасий Гераниевич, зав технической службы, составлял графики монтажей. Все трое напряженно ждали конца дневного выпуска программы, чтобы откупорить початую бутылочку каберне, стоявшую под столом у Феди. Дверь открылась, в кабинет зашла девушка.

– Здравствуйте, я – Анастасия Кречетова, мы с вами договаривались о встрече. Я журналист из Н-ска.

– Пиво Н-ское – радость вселенская, – вдумчиво произнес Федя слова из набившей оскомину рекламы.

– Из Н-ск-а-а, – протянул Нехорошев, рассматривая Асю в упор, и добавил глумливо: – А что ж вы делаете у нас?

– Хочу у вас работать, – улыбнулась Ася, подумав, что «началось».

– У нас все хотят работать. Чем удивите?

Ася достала кассету, протянула Нехорошеву, тот нехотя вставил ее в проигрыватель.

– Куда мотать? – спросил он.

– Куда хотите.

На перемотке Ася в нарядной студии активно махала руками и мультяшным голосом тараторила о чем-то с грузным и седым мужчиной в орденах и без руки.

– Поздравление ветеранов? Почетно, – сказал Нехорошев, поглядывая на шнурки своих дорогих ботинок. Переход от бежевых брюк через носки цвета кофе латте к обуви оттенка капучино был безупречен.

– Это Дмитрий Козлов. Конструктор космических кораблей. Речь идет о жутком состоянии завода, они вместо ракет вынуждены производить чайники, – пояснила Ася.

На экране замелькали кадры ракетостроительной отрасли. Огромные сопла, внутри которых копошились люди в халатах, громадные детали на распорках, панорамы по гигантским пространствам брошенного завода. Первый вице-премьер российского правительства, тоже одетый в халат, шагал с делегацией по цехам, указывая вперед, как Ленин в будущее, и отчитывал идущего рядом седого человека без руки. Дальше шла прямая речь высокого чиновника в кадре.

– Ну вот видно, с зампредом правительства общались, не только с дедулечками, – съязвил Нехорошев.

Асе вспомнился этот день, когда на завод приехал первый вице-премьер… Вместе с ним на самолете прилетели несколько десятков столичных журналистов. Анна Метлова, специальный корреспондент федерального канала, где работал Нехорошев, смотрела на всех снисходительно. С ней были оператор, звукооператор и продюсер. Небывалая роскошь для провинциалов, которые мотались по городам и весям с одним оператором, как с человеком-оркестром. Чиновник важно ходил по заводу, что-то говорил, кого-то слушал, кивал, поучал, давал указания. Все благоговели. Кроме Козлова. Он упорно пытался донести проблемы своего ЦСКБ высшим чинам, подробно, на пальцах единственной руки объясняя причины кризиса в отрасли. Показывал на людей, на пустые цеха, на куски ракет, лежавших на полу, как части тела громадного человека. Кстати, часть своего тела, а именно руку, оторванную взрывом гранаты в сорок четвертом, он взял с собой и сам принес в ближайшую медсанчасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.